

Уильям Теккерей

Базар житейской суеты.

Часть 3

Уильям Мейкпис Теккерей

Базар житейской суеты. Часть 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21129763

Аннотация

Произведение дается в дореформенном алфавите.

«Между-тѣмъ какъ побѣдоносная армія, послѣ своего блистательнаго подвига, маршируетъ къ границамъ Франціи, для занятія тамошнихъ крѣпостей, благосклонный читатель, не во гнѣвъ ему будь сказано, обязанъ припомнить, что у насъ остались въ Англіи многія миролюбивыя и весьма интересныя особы, безъ которыхъ мы никакъ не можемъ продолжать своихъ походовъ по базару житейской суеты. Во все это время опасностей и битвъ, старая дѣвица. Матильда Кроли, проживала въ Брайтонѣ тихо и спокойно, принимая весьма слабое участіе въ дѣлахъ, происходившихъ на европейскомъ континентѣ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ великихъ событій, англійскіе журналы и газеты сдѣлались чрезвычайно интересными, и компаньонка Бриггсъ должна была каждое утро читать для своей благодѣтельницы военную газету, гдѣ изображалась судьба британскихъ героевъ. Имя Родона Кроли упоминалось съ честью: онъ произведенъ былъ въ подполковники...»

Содержание

Глава XXXIII	4
Глава XXXIII	27
Глава XXXIV	62
Глава XXXV	85
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Теккерей Уильям Мейкпис

Базар житейской суеты. Часть третья

Глава XXXIII

Безпокойства и душевные тревоги добрыхъ родственницъ миссъ Матильды Кроли

Между-тѣмъ какъ побѣдоносная армія, послѣ своего блистательнаго подвига, маршируетъ къ границамъ Франціи, для занятія тамошнихъ крѣпостей, благосклонный читатель, не во гнѣвъ ему будь сказано, обязанъ припомнить, что у насъ остались въ Англіи многія миролюбивыя и весьма интересныя особы, безъ которыхъ мы никакъ не можемъ продолжать своихъ походовъ по базару житейской суеты. Во все это время опасностей и битвъ, старая дѣвица. Матильда Кроли, проживала въ Брайтонѣ тихо и спокойно, принимая весьма слабое участіе въ дѣлахъ, происходившихъ на европейскомъ континентѣ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ великихъ событий, англійскіе журналы и газеты сдѣлались чрезвычайно

интересными, и компаньонка Бриггсъ должна была каждое утро читать для своей благодѣтельницы военную газету, гдѣ изображалась судьба британскихъ героевъ. Имя Родона Кроли упоминалось съ честью: онъ произведенъ былъ въ подполковники.

— Какъ это жаль, что молодой человѣкъ сдѣлалъ такую неисправимую ошибку! говорила миссъ Матильда Кроли. Онъ могъ бы, съ этимъ чиномъ и отличіями, жениться на дочери какого-нибудь пивовара (въ родѣ миссъ Гренсъ) съ милійономъ приданого, или вступить въ родственную связь съ лучшими фамиліями въ королевствѣ. Мои деньги также, рано или поздно, перешли бы къ нему, или къ его дѣтямъ, потому-что... видишь ли ты, миссъ Бриггсъ, я еще не слишкомъ тороплюсь отправиться на тотъ свѣтъ, хотя бы всѣмъ вамъ хотѣлось меня спровадить поскорѣе... и вотъ, вмѣсто всего этого, онъ горемычный бѣднякъ, женатъ на дочери оперной танцовщицы.

— Но неужели вы никогда не сжалитесь надъ храбрымъ воимомъ, надъ героемъ, сударыня, котораго имя включено въ лѣтописи отечественной славы? сказала миссъ Бриггсъ, восторженная ватерлооскими подвигами, и любившая при удобномъ случаѣ выражаться на романтическій ладъ. Развѣ капитанъ или полковникъ, какъ слѣдуетъ называть его теперь, не прославилъ своимъ геройствомъ фамилію Кроли?

— Бриггсъ, ты глупа, моя милая, сказала миссъ Кроли, — полковникъ Кроли затопталъ въ грязь свою фамилію, миссъ

Бриггсъ. Жениться на дочери рисовальнаго учителя... фи!.. жениться на компаньйонкѣ... вѣдь она была при мнѣ *dame de compagnie* — то же что ты, Бриггсъ, только моложе, въ тысячу разъ красивѣе, да въ мильйонъ разъ умнѣе тебя, Бриггсъ. Ужъ не была ли ты сообщницей этой несчастной твари, погубившей моего племянника? Не даромъ же ты вздумала вступаться за нее. Да, миссъ Бриггсъ, вы были ея сообщницей, смѣю сказать. Только я вамъ предсказываю, вы жестоко ошибаетесь, если рассчитываете на мое завѣщаніе: тамъ не будетъ вашего имени, миссъ Бриггсъ... Потрудитесь, если вамъ угодно, написать записку къ моему душеприкащику, мистеру Уэкси, и скажите, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ сію минуту.

Миссъ Кроли, съ нѣкотораго времени, получила привычку посылать за своимъ душеприкащикомъ каждый Божій день, потому-что она безпрестанно измѣняла свои планы насчетъ окончательнаго распоряженія своей собственностью, и жестоко неудомѣвала, кому и какъ приличнѣе отказать свой капиталъ.

Здоровье старой дѣвственницы очевидно поправлялось, что доказывали, между-прочимъ, ея безпрестанные сарказмы, брань и злыя насмѣшки надъ миссъ Бриггсъ. Всѣ эти нападенія бѣдная компаньонка переносила терпѣливо, съ безусловнымъ самоотверженіемъ и съ тѣмъ нравственнымъ униженіемъ, на которое, по большей части, бываютъ обречены жеищины съ ея положеніемъ въ свѣтѣ. Кому не слу-

чалось видѣть, какъ женщина бранить женщину? Что значить нравственное безпокойство — безпокойство мужчины, въ сравненіи съ тѣми ежедневно бросаемыми стрѣлами, которыя падаютъ на грудь какой-нибудь *dame de compagnie*? Бѣдныя жертвы!.. Но мы удалились отъ предмета. Дѣло въ томъ, что сварливость миссъ Кроли возрастала постепенно, по мѣрѣ возстановленія ея физическихъ силъ, и это было въ порядкѣ вещей: чѣмъ ближе рана къ заживленію, тѣмъ она зудитъ сильнѣе и мучительнѣе.

Миссъ Бриггсъ была такимъ-образомъ единственною жертвой, обреченною наслаждаться лицезрѣніемъ выздоравливающей старушки, но и другія нѣжныя особы, жившія вдалекѣ, не забывали миссъ Матильду. Ежедневныя письма, подарки и другія болѣе или менѣе нѣжныя посланія свидѣтельствовали очевиднѣйшимъ образомъ, что есть у ней добрые родственники и родственницы, которые всегда помнятъ и соболѣзнуютъ о ней.

Припомнимъ прежде всего почтительнаго племянника миссъ Матильды, Родона Кроли. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ знаменитой битвы при Ватерлоо, когда военная газета извѣстила о мужествснномъ подвигѣ и повышеніи этого храбраго офицера, почта изъ Діеппа привезла въ Брайтонъ на имя Матильды Кроли красивую шкатулочку съ подарками и почтительнымъ письмомъ отъ племянника ея, полковника Родона. Въ шкатулочкѣ находились французскіе эполеты, орденъ почетнаго легіона и эфесъ отъ шпаги, добытый

на полѣ битвы. Письмо написано было въ юмористическомъ духѣ и въ немъ рассказывалось, между-прочимъ, какимъ образомъ одинъ офицеръ французской гвардіи, давшій клятву, что «гвардія скорѣе умретъ, чѣмъ положить оружіе», былъ тотчасъ же взятъ въ плѣнъ англійскимъ солдатомъ, который переломилъ его шпагу прикладомъ своего ружья. Изуродованная шпага перешла во владѣніе къ Родону. Эполеты и орденъ почетнаго легіона принадлежали французскому кавалерійскому полковнику, павшему въ битвѣ отъ собственной руки адъютанта генерала Тюфто. Родонъ Кроли думалъ, что сдѣлаетъ самое лучшее употребленіе изъ этой добычи, если перешлетъ ее къ своей возлюбленной, безцѣнной тетушкѣ въ Брайтонъ. Долженъ ли онъ продолжать свою корреспонденцію изъ Парижа, куда теперь маршируютъ англійскіе полки? Онъ можетъ, конечно, сообщить ей интересныя извѣстія изъ этой столицы, гдѣ, вѣроятно, найдстъ онъ старыхъ друзей миссъ Кроли, французскихъ эмигрантовъ, къ которымъ она была такъ великодушна и добра въ продолженіе ихъ горестнаго пребыванія на британской территоріи.

Старушка поручила своей компаньйонкѣ написать къ полковнику Родону ласковое и дружеское письмо, и поощрить его къ продолженію своей корреспонденціи. Его первое письмо было такъ забавно и оживлено такимъ чуднымъ юморомъ, что миссъ Кроли съ удовольствіемъ воображала себѣ перспективу послѣдующихъ посланій изъ Парижа.

— Разумѣется, я знаю, объясняла она своей компаньйон-

кѣ, что Родонъ не всостояніи самъ написать такого чудеснаго письма... онъ такъ же глупъ, какъ ты, моя милая... и я понимаю, что эта негодная Ребекка диктуетъ ему каждое слово, но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что племянникъ не обязанъ забавлять свою тетку. Скажите ему, Бригтсъ, что я съ удовольствіемъ ожидаю будущихъ писемъ изъ Парижа.

Письмо, дѣйствительно, сочинено было Ребеккой: по старушкѣ не могло прійти въ голову, что и военные трофеи, присланные къ ней, составляли неотъемлемую собственность мистриссъ Родонъ: она купила ихъ, за нѣсколько франковъ, у одного изъ безчисленныхъ пройдохъ, которые начали торговать этими вещами немедленно послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій. Романисту, знающему все на свѣтѣ, извѣстно также и это обстоятельство. Какъ бы то ни было, ласковый отвѣтъ миссъ Матильды значительно ободрилъ нашихъ юныхъ друзей, Родона и его супругу, оживленныхъ теперь почти несомнѣнною надеждою на совершеннѣйшую благосклонность возлюбленной тетки. Они рѣшились и приняли заранѣе дѣйствительныя мѣры утѣшать ее самыми веселыми письмами изъ Парижа, куда, по словамъ Родона, они спѣшили по слѣдамъ побѣдоноснаго войска.

На жену пастора, отправившуюся на «Королевино усадьбу» лечить переломленную ключицу своего супруга, не распространялось болѣе благоволеніе миссъ Матильды Кроли. Мистриссъ Бьютъ — эта живая, юркая, расторонная, самовластная женщина, имѣла неосторожность провиниться

неисправимымъ образомъ передъ своей золовкой. Впродолженіе пребыванія своего въ Лондонѣ и Брайтонѣ, она не только забрала въ свой руки всю хозяйственную часть, не только стѣснила паціентку суровыми распоряженіями, но и наскучила ей какъ нельзя больше, Если бы миссъ Бриггсъ была женщина съ проницательнымъ умомъ, ей, нѣтъ сомнѣнія, было бы въ высшей степени пріятно исполнить порученіе своей благодѣтельницы относительно письма на «Королевицу усадьбу». Матильда приказала написать, что, такъ-какъ ея здоровье быстро начало поправляться немедленно послѣ отъѣзда мистриссъ Бьють, то она покорнѣйше проситъ добрую посторшу не пріѣзжать къ ней въ другой разъ ни по какому поводу, ни подъ какимъ предлогомъ, и не бросать изъ-за нея собственной семьи на «Королевиной усадьбѣ». Такой триумфъ надъ женщиной, позволявшей себѣ гордое и заносчивое обхожденіе въ отношеніи миссъ Бриггсъ, могъ бы, конечно, обрадовать всякую дальновидную леди, но миссъ Бриггсъ, кроткая и смиренная, не принадлежала къ разряду этихъ леди, и сердце ея почувствовало даже состраданіе къ своему врагу, какъ-скоро отняли у него средства вредить ей.

— Какъ я была глупа! думала мистриссъ Бьють, обвиняя себя въ поступкѣ, который въ самомъ дѣлѣ былъ очень глупъ. Зачѣмъ мнѣ было въ этомъ дурацкомъ письмѣ, которое мы отправили къ ней вмѣстѣ съ мною откормленными цесарками, намекать, что я пріѣду! Мнѣ бы слѣдовало, не го-

воря дурнаго слова, прямо прїѣхать къ миссъ Кроли и вырвать ее изъ рукъ этой плаксивой Бригтсъ и этой негодницы, *femme de chambre*. Прїѣхать бы, да и только... Ахъ; Бють, Бють! Зачемъ тебѣ вздумалось такъ некстати переломить свою ключицу?

Ужъ именно некстати. Мы видѣли, какъ мистриссъ Бють, прибавъ игру къ своимъ рукамъ, заранѣе разочла всѣ выходы и взятки такъ, чтобы не промахнуться ни одной картой. Но она промахнулась съ другой стороны. Ея хитрое, безошибочное искусство оттолкнуло отъ нея всѣхъ партнеровъ такъ-что уже никто не рѣшался возобновить съ нею опасную игру. При всемъ томъ, мистриссъ Бють и ея возлюбленные дѣтки были убѣждены душевно, что она сдѣлалась въ этомъ случаѣ несчастной жертвой ужаснѣйшаго эгоизма, и что ея самопожертвованіе въ пользу миссъ Матильды Кроли сопроваждалось самою чорною неблагодарностью. Повышеніе Родона и почетный отзывъ о немъ на столбцахъ военной газеты чрезвычайно растревожили ея чувствительную душу. Чего тутъ ожидать? Легко станется, что тетка проститъ своего храбраго племянника, полковника и кавалера, и эта ненавистная Ребекка опять овладѣетъ сердцемъ легкомысленной Матильды. Что тутъ станешь дѣлать? Мистриссъ Бють написала для своего супруга весьма краснорѣчивое сочиненіе о суетности мірской славы, и о томъ, какъ судьба бываетъ иной разъ слѣпа въ раздаяніи своихъ благъ. Достойный супругъ не понималъ тутъ ни одного слова, но тѣмъ не менѣе,

сочиненіе при первой же сходкѣ было имъ произнесено превосходно, съ чувствомъ, толкомъ и даже съ проблескомъ возвышеннаго паѳоса. Единственными его слушателями были: мистеръ Питтъ, старшій братъ Родона, Роза и Фіалка, дочери покойной леди Кроли. Сэръ Питтъ уже давно не посѣщаль собраній, гдѣ произносились патетическія рѣчи.

Поведеніе старика становилось хуже и хуже, съ мѣсяца на мѣсяць, со дня на день. Съ отъѣздомъ Бекки Шарпъ, онъ далъ полную волю и разгуль своимъ грязнымъ привычкамъ, къ великому соблазну всего графства и къ величайшему ужасу своего старшаго сына. Ленты у буфетчиковой дочки, миссъ Горроксъ, заблестали самыми яркими цвѣтами. Благородныя фамиліи Гемпшира не заглядывали больше на «Королевицу усадьбу» и съ презрѣніемъ говорили о владѣльцѣ этого древняго помѣстья. Сэръ Питтъ бражничаль каждый день въ домахъ своихъ фермеровъ, и нерѣдко ѣздилъ въ Модбери промачивать свое горло ямайскимъ ромомъ. Кучера, барышники и браконьеры сдѣлались его закадычными друзьями, и онъ пироваль съ ними на всѣхъ окрестныхъ базарахъ. Миссъ Горроксъ рѣшительно торжествовала. Она ѣздила съ нимъ на четверкѣ вороныхъ въ Соутамптонъ, засѣдая внутри фамильной кареты. Никто въ цѣломъ графствѣ не сомнѣвался, что вотъ, того и гляди, на слѣдующей недѣлѣ будетъ свадьба, и провинціальная газета извѣститъ о ней къ стыду и соблазну цѣлаго міра.

Не сомнѣвался въ этомъ и мистеръ Питтъ, истомленный

сердечно и душевно несчастнымъ поведеніемъ отца. Методическія сходки продолжались, но уже далеко не съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, какъ въ бывшее время. Мистеръ Питтъ даже усовершенствовался въ искусствѣ сочинять и произносить блистательныя рѣчи, но уже никто не думалъ больше апплодировать ему, и когда оканчивалась сходка, онъ слышалъ собственными ушами, какъ говорили:

— Оглянись прежде на себя, любезный другъ, и потомъ учи другихъ. Отецъ твой вѣрно пьянствуетъ въ эту минуту въ какомъ-нибудь кабацѣ или харчевнѣ.

Однажды онъ съ удивительнымъ краснорѣчіемъ разсуждалъ о нѣкоемъ мухаммедансклмъ бандитѣ, окружившемъ себя толпами женщинъ, вовлеченныхъ имъ въ безвыходную тьму нравственныхъ и умственныхъ заблужденій. Уже фигуры и аллегорическія изображенія полились потокомъ изъ устъ одушевленнаго оратора, какъ вдругъ изъ толпы раздался грубый голосъ:

— А сосчиталъ ли ты, пріятель, сколько у васъ такихъ женщинъ на «Королевиной усадьбѣ»?

Все собраніе оторопѣло отъ этой выходки, и мистеръ Питтъ принужденъ былъ окончить свою рѣчь. Нѣтъ надобности распространяться, что сцены въ этомъ родѣ совершенно отравляли его жизнь.

Роза и Фіалка, съ отъѣздомъ гувернантки, тоже были брошены на произволъ судьбы, такъ-какъ сэръ Питтъ произнесъ торжественную клятву, что съ этой поры никакая уче-

ная дѣвица не переступить больше черезъ порогъ его дома. Участь бѣдныхъ сиротокъ, нѣтъ сомнѣнія, была бы достойна великаго сожалѣнія, еслибъ мистеръ Питтъ силою своего энергическаго краснорѣчія не уговорилъ отца отослать ихъ въ учебное заведеніе для окончательнаго усовершенствованія въ искусствахъ, наукахъ и ремеслахъ.

Но каковы бы ни были взаимныя отношенія членовъ знаменитой фамиліи, всѣ они были согласны въ одномъ — въ единомушной любви къ миссъ Кроли, и обожаемая старушка безпрестанно получала вещественные знаки привязанности отъ свомхъ племянниковъ и племянницъ. Такъ мистриссъ Бьютъ препровождала къ ней пулярдокъ и нѣкоторые весьма замѣчательные экземпляры цвѣтной капусты, со включеніемъ хорошенькаго кошелька или булавочной подушечки отъ имени прелестныхъ дочекъ, которыя также, съ своей стороны, сгарали желаніемъ пріобрѣсть для себя хотя маленькій уголокъ въ памяти милой тетушки. Мистеръ Питтъ посылалъ ей корзины съ персиками, виноградомъ и дичью. Соутамптонскій дилижансъ každонедѣльно отвозилъ въ Брайтонъ всѣ эти подарки, служившіе выраженіемъ родственной любви, и туда же, повременамъ, въ этомъ экипажѣ, ѣздилъ самъ мистеръ Питтъ, усердный методистъ и краснорѣчивый ораторъ. Поведеніе отца заставляло его довольно часто отлучаться изъ «Королевиной усадьбы», и, сверхъ-того, былъ для него въ Брайтонѣ особый предметъ, требовавшій его личнаго присутствія. Мы уже имѣли случай намекнуть въ этой ис-

торіи объ отношеніяхъ мистера Питта къ леди Дженни Шипкенсъ, которая теперь вмѣстѣ съ матерью и сестрами проживала въ Брайтонѣ съ гигиеническою цѣлью. Матушку леди Дженни, графиню Саутдаунъ, женщину съ характеромъ рѣшительнымъ и твердымъ, зналъ въ ту пору весь методистскій міръ.

Объ этой благородной фамиліи мы тоже обязаны сказать нѣсколько словъ, такъ-какъ она скоро будетъ скрѣплена тѣснѣйшими узами съ домомъ Кроли. Представитель ея, Клементъ Вильямъ Саутдаунъ, вступилъ въ парламентъ подъ покровительствомъ мистера Уильберфорса, и тамъ нѣсколько времени считали его весьма степеннымъ молодымъ человекомъ, вполне оправдавшимъ рекомендацію своего политическаго патрона. Больше о немъ нечего и говорить. Но словами невозможно изобразить чувствованій превосходной матери, когда она, вскорѣ послѣ смерти своего супруга, узнала съ сокрушеніемъ сердечнымъ, что сынъ ея сдѣлался членомъ многихъ свѣтскихъ клубовъ и проигрывалъ большіе куши въ «Кокосовомъ Деревѣ», что онъ уже успѣлъ надавать множество векселей, проматывая отцовское наслѣдство, что онъ покровительствовалъ скачкамъ, держалъ сумасбродные заклады, ѣздилъ безпрестанно въ оперный театръ, и, вообще, проводилъ время въ обществѣ холостяковъ, не отличавшихся строгими правилами жизни. Его имя произносилось не иначе, какъ съ воздыханіями въ семейномъ кругу вдовствующей леди Саутдаунъ.

Леди Эмили́я, старшая сестрица этого джентльмена, прославилась въ методистскомъ мірѣ нѣсколькими восхитительными трактатами эстетически-умозрительно-практически-элегического содержанія, обращеннаго преимущественно къ филантропическимъ цѣлямъ. Какъ дѣва зрѣлая и даже перезрѣлая, она имѣла весьма слабую идею о супружеской жизни, и сердце ея стремилось къ предметамъ отвлеченнымъ. Съ нѣкотораго времени она вела постоянную корреспонденцію съ ост-индскими философами, и носился слухъ, будто леди Эмили́я питала тайное расположеніе къ достопочтенному Мельхиседеку Горнблауэру, который позволилъ себя татуировать на Зеландскихъ островахъ.

Что касается до леди Дженни, къ которой, какъ мы сказали, мистеръ Питтъ Кроли чувствовалъ сердечное влеченіе, она была робка, кротка, стыдлива, молчалива и въ высшей степени мягкосердечна. Нерѣдко она проливала слезы о своемъ братѣ, хотя былъ онъ пропащій человѣкъ, и со стыдомъ придавалась, что еще любить его до сихъ поръ. Повременамъ она посылала къ нему письма, и сама тайкомъ относила ихъ на почту. Единственный страшный секретъ, тяготѣвшій надъ ея жизнью, состоялъ въ томъ, что однажды, въ лунную ночь, леди Дженни и старая ключница отправились на тайный визитъ въ холостую квартиру лорда Саутдауна, и застали его – о, неисправимый и жалкій повѣса! – среди комнаты съ сигарою во рту и съ бутылкою кюрасо, стоявшей передъ нимъ на столѣ. Она почитала свою старшую сестру, благо-

говѣла передъ матерью, и считала мистера Кроли совершеннѣйшимъ и достойнѣйшимъ изъ всѣхъ мужчинъ, послѣ, однакожь, своего брата, лорда Саутдауна, этого падшаго Люцифера. Зато мать и сестра, принадлежавшія къ разряду женщинъ высокаго полета, дѣлали для скромной дѣвицы всякія уступки, и вообще смотрѣли на нее съ тѣмъ покровительственнымъ великодушіемъ, которое обыкновенно мы любимъ оказывать существамъ низшаго разряда. Хорошая мама заказывала для нея платья, покупала ей книги, ленты, шляпки, и выкраивала для нея миньятюрной голозы представленія, идеи и сужденія, сообразныя съ ея возрастомъ, поломъ и обстоятельствами жизни. Смотря по тому, какъ желала и приказывала леди Саутдаунъ, Дженни ѣздила верхомъ на своей маленькой лошаdkѣ, играла на фортепьяно, рисовала, или пользовалась какимъ-нибудь другимъ медикаментомъ, который долженъ былъ содѣйствовать къ развитію въ ней физическихъ и душевныхъ совершенствъ. Вдовствующая леди заставляла свою дочку ходить въ панталончикахъ и съ передникомъ до тѣхъ поръ, пока ей не стукнуло двадцать-шесть лѣтъ. По поводу перваго своего представленія въ Букингемъ, леди Дженни получила разъ навсегда приказаніе освободиться отъ этихъ орнаментовъ.

Когда всѣ эти леди переѣхали въ свой брайтонскій домъ, мистеръ Питтъ тотчасъ же поспѣшилъ сдѣлать имъ свой визитъ, не надѣясь въ ту пору вступить въ непосредственное соприкосновеніе съ тетушкой Матильдой. Онъ ограничился

только тѣмъ, что оставилъ свою карточку въ дверяхъ миссъ Кроли, и освѣдомился отъ мистера Баульса, или его помощника, о здоровьи пациентки. Встрѣтивъ однажды миссъ Бриггсъ на ея возвратномъ пути домой изъ книжной лавки, откуда она шла съ новѣйшими романами подъ мышкой, мистеръ Питтъ раскраснѣлся необыкновеннымъ образомъ, когда принужденъ былъ сдѣлать шагъ впередъ и подать руку компаньонкѣ миссъ Кроли. Онъ гулялъ тогда съ леди Шиппенксъ; и компаньонка была ей представлена такимъ образомъ:

— Леди Дженни; сказалъ мистеръ Питтъ, — позвольте рекомендовать вамъ искренняго друга моей тетушки, ея преданную собесѣдницу, миссъ Бриггсъ, которую вы знаете подъ другимъ именемъ, какъ сочинительницу превосходныхъ «Лирическихъ восторговъ сердца». Вы уже имѣли случай нѣсколько разъ восхищаться этимъ поэтическимъ созданіемъ миссъ Бриггсъ.

Леди Дженни также раскраснѣлась, протягивая свою миньятюрную ручку миссъ Бриггсъ, и проговорила что-то очень учтиво и безсвязно насчетъ своей мамы, обнаруживая искреннее желаніе познакомиться съ миссъ Кроли, и свидѣтельствуя нелицемѣрную радость при встрѣчѣ со всѣми друзьями и родственниками мистера Питта. Въ заключеніе, когда онѣ разставались, леди Дженни бросила голубиный взглядъ на миссъ Бриггсъ, и слегка кивнула ей головой, тогда-какъ мистеръ Питтъ отвѣсилъ ей глубочайшій по-

клонь, одинъ изъ тѣхъ, къ которымъ онъ привыкъ еще въ нѣкомъ германскомъ городѣ, гдѣ состоялъ на дипломатической службѣ.

О хитрый, лукавый дипломатъ, достойнѣйшій ученикъ и сподвижникъ лорда Бинки! Онъ самъ, собственными руками, представлѣ леди Дженпи экземпляръ стихотвореній миссъ Бриггсъ, которая она въ ранней своей молодости посвятила покойной супругѣ его отца. Мистеръ Питтъ отрылъ этотъ томикъ между разнымъ хламомъ на «Королевиной усадьбѣ», и привезъ его въ Брайтонъ, озаботившись напередъ перелистовать его дорогой въ дилижансѣ, и сдѣлать карандашомъ отмѣтки въ назиданіе леди Джеяни Шипшенксъ.

Съ такимъ же дипломатическимъ искусствомъ, мистеръ Питтъ представилъ умственному взору леди Саутдаунъ великія выгоды, которыя могли современемъ произойти отъ короткаго знакомства ея фамиліи съ миссъ Кроли. Выгоды этого рода имѣли двойной характеръ — мірской и духовный. Миссъ Кроли, говорилъ дипломатъ, была теперь совершенно одна. Чудовищный развратъ и странная женитьба младшаго брата, Родона, отстранили его окончательно отъ старой тѣтушки. Непомѣрное самовластіе и жадность мистриссъ Бьютъ Кроли заставили старушку принять противъ этой женщины строжайшія мѣры, и она не хочетъ болѣе видѣть ненасытную пасторшу. И хотя самъ онъ, руководимый чувствомъ гордости, быть-можетъ неумѣстной, постоянно уклонялся отъ дружескихъ связей съ миссъ Кроли, од-

накожь теперь онъ думаетъ, что необходимо воспользоваться всѣми приличными средствами, какъ для того, чтобъ обратиться старую тѣтку на путь истины, такъ и для того, чтобъ благовременно завладѣть ея имѣніемъ, на которое онъ имѣетъ полное право, какъ будущій представитель фамиліи Кроли.

Глубокомысленная леди Саутдаунъ согласилась безпрекословно на оба эти предложенія, и рѣшилась немедленно приступать къ дѣлу...

— Кто докторъ у вашей тетушки? спросила леди Саутдаунъ у своего будущего зятя.

Мистеръ Питтъ назвалъ фамилію господина Кримера.

— О, это шарлатанъ и невѣжда, милый мой Питтъ. Надобно удалить его. Мнѣ уже, слава Богу, удалось благовременно прогнать его изъ многихъ домовъ, хотя въ одномъ или двухъ случаяхъ я не подоспѣла. Такъ, при всемъ усердіи, я не могла спасти генерала Гландерса, который умеръ отъ микстуръ этого шарлатана — умеръ, мой другъ. Немного, правда, онъ оправился отъ поджеровыхъ пилюль, которыя я ему предписала; но увы! это было уже слишкомъ поздно. Хорошо по крайней мѣрѣ то, что генераль Гландерсъ умеръ спокойно, безъ всякой душевной тревоги. Стало-быть это дѣло рѣшеное: Кримеръ оставить вашу тѣтушку.

Мистеръ Питтъ выразилъ свое совершеннѣйшее успокоеніе.

Надлежало теперь устроить другой пунктъ — обратиться миссъ Кроли на истинный путь. Леди Саутдаунъ взялась за

это съ величайшимъ удовольствіемъ. Съ той поры, какъ розы увяли на ея щекахъ, и синія дуги впервые появились вокругъ ея глазъ, леди Саутдаунъ, отрѣшившись отъ шумныхъ удовольствій большого свѣта, погрузилась всей душой въ созерцательныя умозрѣнія эстетически-философическаго свойства, и всѣ ея занятія приняли аскетическій характеръ. Покойный ея супругъ, милордъ Саутдаунъ, человѣкъ больной, слабый и простодушный, безмолвно ободрялъ поведеніе своей Матильды, и аскетическая ея дѣятельность, возрастая постепенно; обнаружилась въ скоромъ времени въ обширнѣйшихъ размѣрахъ. Извѣстно всему міру, что Англія, любезное наше отечество, столько гордое своимъ умственнымъ развитіемъ, представляетъ классическую почву для всѣхъ сумасбродныхъ мнѣній и предразсудковъ, принимающихъ форму разнообразныхъ доктринъ съ притязаніями на непогрѣшительность. Духъ средневѣковаго фанатизма паритъ еще во всей своей силѣ надъ атмосферой туманнаго Альбіона. Честолюбцы, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ на поприщѣ ученой или политической дѣятельности, узколобые педанты, волнуемые жаждой какой бы то ни было извѣстности, всѣ люди безъ призванія, безъ таланта, безъ свѣтлой мысли въ головѣ, найдутъ и прозелитовъ, и приличную для себя дѣятельность на всѣхъ пунктахъ Трехъ Соединенныхъ Королевствъ. Домъ леди Саутдаунъ еще при жизни ея мужа сдѣлался истиннымъ притономъ всѣхъ этихъ пройдохъ и безпокойныхъ искателей приключеній. Методисты, квакеры, кувыркате-

ли, накатчики, анабаптисты, попеременно появлялись въ ея блестящемъ салонѣ, смотря потому, какъ измѣнялись вкусъ и наклонности хозяйки. Такъ она принимала достопочтеннаго Сандерса Менитра изъ Шотландіи, достопочтеннаго Луку Уатерса, Джильса Джаульса, и прочая, и прочая. Обѣ ея дочери и вся домашняя челядь обязаны были съ напряженнымъ вниманіемъ слушать и прилагать къ сердцу туманныя бесѣды всѣхъ этихъ господъ. Впродолженіе этихъ коггрегацій, старику Саутдауну позволялось дремать въ своей спальнѣ, пить глинтвейнъ и читать газету. Леди Дженни была любимою дочерью милорда, и въ ней одной, казалось, онъ находилъ для себя утѣшеніе и отраду. Старшая дочь, усвоившая вполнѣ характеръ и привычки своей матери, оттолкнула отъ себя отцовское сердце своимъ страшнымъ ригоризмомъ. Такой порядокъ дѣлъ продолжался и послѣ смерти милорда.

Мистеръ Питтъ, какъ послушный сынъ, вполнѣ подчинялся прихотямъ и распоряженіямъ своей будущей тѣщи. Онъ долженъ былъ по ея приказанію принимать Сандерса Менитра, Луку Уатерса, Джильса Джаульса, поджеровы пилюли, роджеровы порошки, эликсиръ мистера Поки, и такъ далѣе. При выходѣ изъ дома, леди Саутдаунъ всегда нагружала его и сочиненіями, и медицинскими рецептами своихъ любимыхъ докторовъ теологіи и медицины.

Кто изъ васъ; милостивые государи, не страдалъ, такъ-сказать, подъ игомъ этихъ прелестныхъ самозванокъ-докторовъ, принимающихъ на себя произвольную обязанность вра-

чевать ваши душевные и физическіе недуги? Вы можете говорить сколько угодно: «Благодарю васъ, сударыня, – въ прошломъ году я принималъ, по вашему рецепту, поджеровы пилюли, и опытомъ извѣдалъ ихъ цѣлительное свойство; зачѣмъ же теперь я долженъ промѣнять ихъ на роджеровы порошки?» Это не поможетъ: безпardonная прозелитка, теряя надежду образумить васъ словесными аргументами, начинаетъ проливать горьчайшія слезы, и вы, для успокоенія ея, глотаете по неволѣ роджеровскій порошокъ.

– Что жъ касается до ея душевнаго состоянія, прододжала леди Саутдаунъ, – мы, разумѣется, должны немедленно взять свои мѣры. Если оставить при ней Кримера, она умретъ непремѣнно, и притомъ въ ужаснѣйшемъ состояніи. Я пошлю къ ней достопочтеннаго мистера Айронса. Дженни, нашими отъ меня заимску, въ третьемъ лицѣ, къ достопочтенному Бартоломею Айронсу, и скажи, что я сегодня ожидаю его къ чаю, въ половинѣ седьмого. О, это самый дѣятельный мужъ! Онъ долженъ увидѣть миссъ Кроли сегодня ночью, прежде чѣмъ она ляжетъ спать. Эмилиа, другъ мой, приготовь пачку книгъ для миссъ Кроли. Не забудь положить: «Обращеннаго Каннтбала» и «Звучную Трубу».

– Не прикажете ли еще «Слѣпую Прачку», мама! сказала леди Эмилиа, – для начала это было бы очень хорошо. А тамъ можно будетъ послать «Восторгнутые Класы».

– Позвольте, mesdames, сказалъ мистеръ Питтъ, – уважая вполнѣ всякія мнѣнія возлюбленной леди Саутдаунъ,

я думаю, однакожь, что было бы не совсѣмъ благоразумно приступать съ такими важными предметами къ миссъ Кроли. Прошу васъ обратить вниманіе на то, что до сихъ поръ она еще никогда не углублялась въ созерцательныя истины, имѣвшія прямое отношеніе къ ея преклоннымъ лѣтамъ. Должно дѣйствовать исподоволь, не торопясь.

— Но въ этихъ случаяхъ торопливость совершенно необходима, мистеръ Питтъ, замѣтила леди Эмилиа, успѣвшая между-тѣмъ выбрать шесть маленькихъ книжекъ изъ своей бібліотеки.

— Это будетъ слишкомъ опрометчиво съ вашей стороны, и я знаю, что вы только напугаете мою тѣтку, продолжалъ отставной дипломатъ, — привычки свѣта и легкомысленныя мнѣнія слишкомъ глубоко запали въ ея душу. Опрометчивый способъ дѣйствованія неудобень во всѣхъ отношеніяхъ. Миссъ Кроли, по всей вѣроятности, выброситъ за окно всѣ эти книги и откажется отъ всякаго знакомства съ тѣми, кто прислалъ ихъ.

— Вы такой же мірянинъ, какъ ваша тѣтка, мистеръ Питтъ, сказала леди Эмилиа, выходя изъ комнаты съ своими книгами подъ мышкой.

— И я не имѣю надобности доказывать вамъ, леди Саутдаунъ, продолжалъ мистеръ Питтъ, понизивъ голосъ, и не обращая никакого вниманія на перерывъ, — не имѣю надобности доказывать и пояснять, въ какой степени опрометчивость этого рода можетъ повредить нашимъ надеждамъ отно-

сительно мірскихъ стяжаній моеѣ тетушки. Вспомните, что у ней семьдесятъ тысячъ фунтовъ, и обратите вниманіе на ея преклонный возрастъ. Я знаю, что она уничтожила завѣщаніе, сдѣланное прежде въ пользу моего брата, полковника Кроли. Мы должны исподоволь, мѣрами кроткими и едва замѣтными, обращать ее на истинный путь, и вы, я полагаю, согласитесь со мной, леди Саутдаунъ, что... что...

— Конечно, конечно, замѣтила скороговоркой леди Саутдаунъ. Дженни, моя милая, не отсылай этой записки къ мистеру Айронсу, и если онъ придетъ, сказать, что дома нѣтъ. Если здоровье вашей тетушки не терпитъ отвлеченныхъ разсужденій, мы охотно будемъ дожидаться ея выздоровленія. Время еще не ушло. Завтра я сдѣлаю визитъ миссъ Кроли.

— И если я вправѣ совѣтовать въ этомъ случаѣ, заключилъ мистеръ Питтъ ласковымъ тономъ, — вамъ никакъ не слѣдуетъ брать съ собою нашу прекрасную Эмилию, такъ какъ характеръ ея слишкомъ живъ и пылокъ. Напротивъ, будетъ очень хорошо, если вмѣстѣ съ нами отправится къ моеѣ тѣтушкѣ милая наша леди Дженни.

— Ну да, ваша правда, Эмилиа испортитъ все дѣло, сказала леди Саутдаунъ.

И на этотъ разъ, леди Саутдаунъ, убѣжденная доказательствами дипломата, отказалась отъ своей обычной тактики дѣйствовать зажигательными трактатами противъ всякаго ближняго, котораго надлежало обратить на путь правды. Принимая въ уваженіе здоровье пациентки, тревожное

состояніе духа и семьдесятъ тысячъ фунтовъ, ей принадле-
жащихъ, леди Саутдаунъ первый разъ въ своей жизни рѣши-
лась прибѣгнуть къ средствамъ медленнымъ и вѣрнымъ.

На другой день, большая фамильная карета лордовъ Са-
утдауновъ съ фамильными гербами подкатила къ подъѣзду
отеля миссъ Кроли, и осанистый лакей въ блестящей ливреѣ
передалъ мистеру Баульсу, отъ имени леди Саутдаунъ, ви-
зитную карточку для миссъ Кроли; и такую же для миссъ
Бриггсъ. Для перваго знакомства, леди Эмилиа прислала уче-
ной компаньонкѣ одинъ экземпляръ своихъ собственныхъ
сочиненій и нѣсколько теологическихъ трактатовъ для по-
учительнаго чтенія миссъ Бриггсъ. Въ лакейскую миссъ Кро-
ли поступило, отъ ея имени: «Прозрачное Зерцало» — сочи-
неніе весьма замѣчательное по своей краткости, ясности и
вразумительности.

Глава XXXIII

Джемсъ Кроли курить

Любезность мистера Питта и ласковое обращеніе его спутницы въ высшей степени разнѣжили чувствительную Бриггсъ, и уполномочили ее высказать весьма лестный отзывъ насчетъ леди Дженни, послѣ того какъ визитныя карточки благородной фамиліи были представлены миссъ Кроли. Карточка леди Саутдаунъ, оставленная лично для миссъ Бриггсъ, произвели весьма благодѣтельное вліяніе на сердце бѣдной компаньонки.

— Кчему это ей вздумалось оставить карточку для васъ, миссъ Бриггсъ? спросила съ изумленіемъ миссъ Кроли, — придетъ же вѣдь такая фантазія!

— Тутъ, мнѣ кажется, нечему удивляться, скромно замѣтила миссъ Бриггсъ, — знатная леди нисколько не унизитъ своего достоинства, если обратитъ вниманіе на бѣдную дворянку.

И она положила эту карточку въ свою рабочую шкатулку между предметами, драгоцѣнными для ея сердца. Затѣмъ, миссъ Бриггсъ объяснила, какъ она встрѣтила вчерашній день мистера Кроли съ его невѣстой, и какое чудное сокровище была эта невѣста. она рассказывала, какъ одѣта была леди Дженни, и подробно, съ женскою аккуратностію, описала

всѣ части ея туалета, отъ соломенной шляпки до башмаковъ. Оказалось, что костюмъ леди Дженни былъ очень простъ и очень милъ.

Миссъ Кроли дала полную волю компаньонкѣ распространяться обо всѣхъ этихъ вещахъ, и слушала ее внимательно, безъ перерыва. Здоровье старой дѣвы поправилось совершенно, и она скучала безъ общества, къ которому привыкла. Мистеръ Кримеръ, ея докторъ, не хотѣлъ и слышать о возвращеніи своей пациентки въ Лондонъ. Скучавшая старуха была рада познакомиться въ Брайтонѣ съ кѣмъ бы то ни было, и потому, возвращая на другой день свой собственные карточки, приказала сказать, что мистеръ Питтъ Кроли доставить ей большое удовольствіе своимъ визитомъ. Онъ пришелъ, и съ нимъ пришли — леди Саутдаунъ и младшая ея дочь, невѣста. Вдовствующая леди воздержалась отъ всякихъ эстетически-созерцательныхъ умозрѣній; но говорила очень много о погодѣ, о войнѣ, о низверженіи Бонапарта, о докторахъ вообще, и въ частности о рѣдкихъ достоинствахъ мистера Поджерса; которому въ ту пору она покровительствовала.

Впродолженіе этого визита, мистеръ Питтъ обнаружилъ дивную черту дипломатическаго искусства, одну изъ тѣхъ, которыя свидѣтельствовали неоспоримымъ образомъ, что, не будь его карьера испорчена въ ранней молодости, онъ ушелъ бы далеко на политической дорогѣ. Когда леди Саутдаунъ заговорила о корсиканскомъ выходцѣ и, подражая со-

временной модѣ, принялась доказывать, что это былъ въ человѣческомъ родѣ извергъ, обогранный всѣми преступленіями, чудовщѣ, недостойное жизни, Питтъ Кроли вдругъ поднялъ свою булаву на защиту этого Человѣка Судьбы. Описать, какъ онъ видѣлъ Перваго Консула въ Парижѣ, во время аміенскаго мира, когда онъ, Питтъ Кроли, имѣлъ удовольствіе въ первый разъ познакомиться съ великимъ ораторомъ Великобританіи. Это былъ господинъ Фоксъ, который, какъ извѣстно, всегда имѣлъ высокое мнѣніе о императорѣ Наполеонѣ. Питтъ Кроли вполне раздѣлялъ мнѣніе Фокса, хотя во многихъ другихъ случаяхъ былъ съ нимъ не согласенъ. Изгнаніе Наполеона считалъ онъ великою несправедливостію и доказывалъ весьма убѣдительно, что Французы сдѣлали огромную ошибку, подчинившись вліянію папы.

Послѣдняя выходка спасла Питта Кроли въ глазахъ леди Саутдаунъ, между-тѣмъ, какъ благоговѣніе къ Фоксу и Наполеону возвысило его неизмѣримо въ мнѣніи миссъ Кроли. Мы уже имѣли случай намекнуть въ продолженіе этой исторіи, что миссъ Кроли стояла нѣкогда на короткой ногѣ съ покойнымъ Фоксомъ. Миссъ Кроли, принадлежавшая въ политическомъ смыслѣ къ партіи виговъ, всегда стояла за Наполеона, и хотя никакъ нельзя сказать, чтобъ паденіе этого гиганта возмутило ея душевный покой, и подѣйствовало непріятнымъ образомъ на ея желудокъ, однакожь панегирикъ Питта, прославившій обоихъ ея идоловъ, былъ въ высшей степени пріятенъ для ея сердца, и Питтъ Кроли, какъ мы сказали,

вдругъ поднялся на необозримую высоту въ ея глазахъ.

— А вы какъ объ этомъ думаете, моя милая? спросила миссъ Кроли молодую леди, которая, повидимому, понравилась ей съ перваго взгляда. Съ хорошеньшшъ личикомъ нетрудно было пріобрѣсть благосклонность миссъ Матильды Кроли, хотя надобно признаться, что ея любовь возникала и протывала съ одинаковой быстротою.

Леди Дженни покраснѣла какъ роза, и сказала, что она не понимаетъ политики, и не принимаетъ никакого участія въ политическихъ вопросахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ея мама разсуждаетъ основательно, хотя правда и то, что мистеръ Питтъ говоритъ превосходно.

И когда обѣ леди собрались домой, миссъ Кроли сказала въ заключеніе визита:

— Надѣюсь, вы будете такъ добры, леди Саутдаунъ, что станете повременамъ присылать ко мнѣ леди Дженни, если только ей не скучно будетъ въ обществѣ одинокой, больной старухи.

Обѣщаніе дано было съ величайшимъ удовольствіемъ, и благородныя леди разстались самымъ дружескимъ образомъ.

— Питтъ, не приводи ко мнѣ никогда эту леди Саутдаунъ, сказала старушка, — она глупа и надута, какъ всѣ эти родственники твоей матери, которыхъ я терпѣть не могла. Но эта хорошенькая куколка, леди Дженни, можетъ првходить сколько ей угодно. Распорядись такъ, чтобъ она навѣщала

меня какъ можно чаще.

Питтъ обѣщалъ сдѣлать такое распоряженіе. Онъ не считалъ нужнымъ объяснять своей тѣщѣ, какое мнѣніе составила о ней миссъ Кроли, и леди Саутдаунъ осталась въ совершеннѣйшемъ убѣжденіи, что она произвела великолѣпное впечатлѣніе на свою новую знакомку.

Общество больной старухи не испугало леди Дженни. Быть-можетъ, ей пріятно было отлучаться повременамъ изъ родительскаго дома, гдѣ весьма часто президентствовалъ достопочтенный Бартоломей Айронсъ и многіе другіе неуклюжіе и скучные педанты, собиравшіеся въ гостиной леди Саутдаунъ. Какъ бы то ни было, невѣста дипломата сдѣлалась постоянной гостьей миссъ Кроли, выѣзжала съ нею на гулянья, и утѣшала ее по вечерамъ, Леди Дженги была добродушна и ласкова со всѣми, такъ что даже горничная Фиркинъ не думала ревновать ее къ своей госпожѣ. Чувствительная Бриггсъ замѣтила въ скоромъ времени, что благодѣтельница никогда не бранила ее въ присутствіи леди Дженни. Миссъ Кроли обращалась съ своей гостьей очаровательнымъ образомъ. Она рассказывала ей множество восхитительныхъ анекдотовъ, почерпнутыхъ изъ воспоминаній дѣтскихъ лѣтъ, и способъ ея выраженія былъ совсѣмъ не тотъ, какой прежде употребляла она въ обращеніи съ начитанной Ребеккой; дѣтская невинность леди Дженни отстраняла всякую возможность легкомысленной бесѣды, и миссъ Кроли щадила деликатность чувствъ этой неопытной дѣвицы. Леди Дженни въ

свою очередь была въ восторгѣ отъ доброй старушки, и старалась забавлять ее всѣми зависящими отъ нея средствами. Покойный отецъ, пропащій братъ и миссъ Кроли были единственными особами, отъ которыхъ молодая дѣвушка слышала выраженія искренней привязанности и дружбы.

Такимъ-образомъ въ длинные осенніе вечера (когда Ребекка торжествовала свои побѣды въ веселомъ Парижѣ, а мистриссъ Эмми, — убитая душевной скорбью Эмми... ахъ! гдѣ-то она теперь?) леди Дженни сидѣла въ гостиной миссъ Кроли, и окруженная поэтическими сумерками, пѣла для нея свой простенькія пѣсни и гимны, между-тѣмъ какъ солнце закатывалось, и море выбрасывало на беретъ свои ревущія волны. Старая дѣвственница, дремавшая въ своихъ креслахъ, просыпалась съ прекращеніемъ мелодическихъ звуковъ и просила свою гостью продолжать безъ перерыва. Чтожъ касается до сентиментальной Бриггсъ, проливавшей радостныя слезы въ ту пору, когда она сидѣла за иглою, и смотрѣла въ окно на ревущій океанъ и на звѣздное небо, гдѣ вращались, въ своемъ торжественномъ величіи грандіозныя міры... да что тутъ толковать? кто въ состояніи изобразить, опредѣлить или измѣрить душевную усладу и чувствительность миссъ Бриггсъ?

Питтъ между-тѣмъ, съ политическимъ памфлетомъ въ рукахъ и съ диссертациею о Хлѣбныхъ Законахъ, наслаждался въ столовой тѣмъ пріятнымъ отдохновеніемъ, которое въ равной степени приличествуетъ послѣ обѣда вѣякому смерт-

ному, будь его натура романтическая, или даже совершенно неромантическая. Онъ потягиваль мадеру, и строилъ въ воздухѣ грандіозные замки, считая себя геніемъ первостейнымъ. Ему казалось, что онъ влюбленъ теперь въ свою невѣсту въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ когда-либо въ продолженіе этихъ семи лѣтъ, считая съ того дня, когда впервые началась эта нѣжная связь, скрѣпляемая постепенно, съ приличною медленностію и дипломатическою предусмотрительностію. Снѣдаемый пылкой страстью, онъ сидѣлъ, мечталъ, дремалъ и спалъ — сладко спалъ. Когда наступалъ часъ пить кофе, Баульсъ шумно входилъ въ комнату съ чашкой для мистера Питта, сквайра; продолжавшаго дѣятельно заниматься своимъ политическимъ памфлетомъ.

— Мнѣ бы хотѣлось, мой милый, поиграть съ кѣмъ-нибудь въ пикетъ, сказала миссъ Кроли однажды вечеромъ, когда этотъ заслуженный каммердинеръ явился въ гостиную съ подносомъ и свѣчами, — бѣдняжка Бржггсъ играетъ не лучше какой-нибудь совы — такъ она глупа.

Должно замѣтить, что старая дѣвственница пользовалась всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ побранить свою кампаньонку въ присутствіи прислуги.

— Послѣ пикета я всегда сплю гораздо спокойнѣе, заключила миссъ Кроли.

При этомъ леди Дженни раскраснѣлась до крайней верхушки своихъ ушей и до послѣдней оконечности своихъ миньятюрныхъ пальцевъ. Когда Баульсъ оставилъ комнату, и

затворилъ за собою дверь, молодая дѣвушка сказала:

— Миссъ Кроли, я умѣю играть въ пикетъ... немножко. Папенька бывало игрывать со мною.

— Поцалуйте меня, мой ангелъ, сейчасъ-же поцалуйте, съ восторгомъ вскричала обрадованная старуха.

И въ этомъ живописномъ занятіи съ миссъ Кроли, мистеръ Питтъ засталъ свою невѣсту, когда воротился изъ столовой съ своимъ политическимъ памфлетомъ. Какъ она краснѣла и стыдилась весь этотъ вечеръ, бѣдная леди Дженни!

Читатель ошибется, если подумаетъ, что хитрые затѣи мистера Питта Кроли ускользнули отъ вниманія его возлюбленной родни въ пасторатѣ на «Королевиной усадьбѣ». Гемпширъ и Суссексъ лежатъ весьма далеко одинъ отъ другаго, и однакожь въ Суссекскомъ графствѣ было у мистриссъ Бьютъ множество друзей, которые извѣщали ее обо всемъ — даже болѣе нежели обо всемъ — что происходило въ брайтонскомъ домѣ миссъ Матильды Кроли. Питтъ ѣздилъ туда чаще и чаще. По цѣлымъ мѣсяцамъ онъ не заглядывалъ въ свой семейный замокъ, гдѣ несчастный отецъ пировалъ безпросыпу въ обществѣ безпутной семьи буфетчика Горрокса. Успѣхъ мистера Питта озлоблялъ и огорчалъ какъ нельзя больше пасторскую семью, и особенно мистриссъ Бьютъ, понявшую теверъ, въ чемъ состояла неисправимая опрометчивость ея поступковъ. Зачѣмъ она такъ часто оскорбляла компаньонку Бриггсъ, и вела себя такъ гордо въ отношеніи къ

Баульсу и Фиркинъ? Вотъ, когда насталь чорный денёкъ, во всемъ домѣ миссъ Кроли не оказалось ми одной особы, при-
верженной къ мистриссъ Бьютъ. Нехорошо, очень нехорошо.

— А во всемъ виновата проклятая ключица, упорно доказывала мистриссъ Бьютъ, не будь она переломлена, я никогда бы не оставила старухи. И кчему было таскаться по полямъ, чтобъ травить этихъ негодныхъ зайцевъ?.. Я тебѣ говорю, Бьютъ.

— Можешь говорить сколько угодно, только зайцы тутъ ни на-волосъ не виноваты, моя милая, отвѣчалъ осужденный супругъ, — ты сама напугала ее, Барбара.

— А чемъ это, если смѣю спросить?

— Какъ чемъ? Дѣло извѣстное. Ты умна, конечно, спора нѣтъ, но характеръ у тебя дьявольскій, и ты просто помѣшалась на этихъ деньгахъ.

— Помѣшалась! Да ты бы ужъ сидѣлъ въ тюрьмѣ давнымъ-давно, еслибъ я не сберегла твоихъ денегъ. Бьютъ.

— И сидѣлъ бы, я не спору, моя милая, отвѣчалъ уклончивый сожитель, — ты умнѣе меня, я знаю, да только ужъ черезчуръ пересаливаешь тамъ, гдѣ нужно было бы подсобить и подмаслить.

И онъ подсобилъ себя стаканчикомъ портвейна.

— Какого дьявола найдетъ она въ этомъ болванѣ, желаль бы я знать? продолжалъ почтенный Бьютъ Кроли;— вѣдь онъ до сихъ поръ такой молокососъ, что всякая гусыня заклюеть его и ощиплеть. Вотъ братъ его, Родонъ; молоде-

цѣ такъ молодецъ, хоть ты знаешь, что его давно бы пора на висѣлицу. Я помню, какъ бывало онъ гоняетъ Питта по конюшнѣ съ плетью въ рукахъ, а Питтъ кричитъ изо всей мочи, и бѣжитъ потомъ жаловаться своей матери. Это была потѣха, и мы всѣ покатывались со смѣху. Да мнѣ сдается, что и теперь любой изъ моихъ ребятъ употчиваетъ его одной рукой. Джемсъ еще помнить, какъ въ Оксфордѣ дразнили его дѣвчонкой.

– Послушай, Барбара, продолжалъ достопочтенный Бьютъ послѣ кратковременной паузы.

– Что? сказала Барбара, кусая свои ногти и барабаня на столу.

– Я думаю, почему бы намъ не отправить Джемса въ Брайтонъ на поклонъ къ этой старухѣ? Вѣдь пожалуй изъ этого что-нибудь и выйдетъ. Джимми, ты знаешь, скоро долженъ будетъ получить ученую степень. Онъ оборвался¹ всего только два раза – что за бѣда? обрывался и я, но все-таки онъ жилъ въ Оксфордѣ и обучался въ университетѣ. Онъ боксируетъ недурно и знакомъ со многими ребятами изъ высшаго круга. Мнѣ случалось видѣть самому, какъ они тамъ разѣзжаются въ праздникъ на лодкахъ, и распѣваютъ серенады. Джимми не послѣдній между ними. Пусть же онъ ѣдетъ къ

¹ To be plucked, буквально – оборваться, значить, не выдержать экзамена на ученую степень. Это условный терминъ, употребляемый въ этомъ смыслѣ студентами англійскихъ университетовъ. См. Oxford Suide. Должно замѣтить, что термины въ этомъ родѣ, перемѣшанные съ простонародными выраженіями, безпрестанно попадаютъ у Теккеря.

нашей старухѣ, и задасть тумака этому Питту Кроли, если тотъ вздумаетъ наскочить на него. Какъ ты думаешь объ этомъ, Барбара?

— Чего тутъ думать! Джемсъ, разумѣется, долженъ ѣхать и увидѣться съ нею, отвѣчала рѣшительнымъ тономъ мистриссъ Бьютъ, и потомъ прибавила со вздохомъ: не мѣшало бы спровадить къ ней хоть одну изъ нашихъ дочерей; но вѣдь та бѣда, что она терпѣть ихъ не можетъ. Надобно же было имъ уродиться такими дурнушками!

Но эти дурнушки были впрочемъ совершенно благовоспитанныя дѣвицы, и въ ту пору, когда мать ихъ произносила эти слова, онѣ вызванивали очень бойко самыя трудныя пьесы на фортепьяно, стоявшемъ въ сосѣдней комнатѣ. Музыку вообще знали онѣ хорошо, и притомъ упражнялись каждый день въ исторіи, географіи, на гитарѣ и на пяльцахъ, но кчему всѣ эти таланты пригодны на базарѣ житейской суеты для несчастныхъ дѣвицъ, низкорослыхъ, бѣдныхъ и дурныхъ лицомъ? Вѣчно сидѣть имъ въ дѣвкахъ, думала мистриссъ Бьютъ, если не подвернутся какіе-нибудь молодые бакалавры, будущіе товарищи ея мужа, и эту мысль съ приличнымъ краснорѣчіемъ она выразила мистеру Бьюту, но разговоръ супруговъ обратился на другіе предметы, когда они увидѣли передъ окномъ мистера Джемса. Молодой студентъ выходилъ въ эту минуту изъ конюшни съ трубкою въ зубахъ и въ клеенчатой фуражкѣ на головѣ.

Сказать правду, мистриссъ Бьютъ не ожидала слишкомъ

великолѣпныхъ результатовъ отъ посланничества своего сына Джемса, и смотрѣла съ печальными предчувствіями на его отѣздъ. Самъ молодой человѣкъ вовсе не рассчитывалъ на блистательный успѣхъ, когда ему сказали, въ чемъ должна состоять окончательная цѣль его поѣздки, но его утѣшала надежда получить отъ старой тетקי значительную долю вещественнаго воспоминанія, что поможетъ ему расплатиться съ нетерпящими отлагательства долгами при началѣ учебнаго семестра въ Оксфордѣ. Поэтому онъ съ удовольствіемъ взялъ себѣ мѣсто въ саутамптонскомъ дилижансѣ, который вечеромъ въ тотъ же день благополучно представилъ его въ Брайтонъ вмѣстѣ съ огромною корзиной, наполненной различными произведеніями сада и фермы, предназначенными въ подарокъ для миссъ Кроли. Кромѣ этихъ произведеній, бульдогъ Таузеръ и чемоданъ были единственными спутниками молодого студента. Принимая въ соображеніе поздній часъ ночи, мистеръ Джемсъ не рѣшился тотчасъ же беспокоить свою тѣтку и, остановившись въ трактирѣ, сдѣлалъ ей визитъ уже на другой день передъ обѣдомъ.

Джемсъ Кроли, въ ту пору, когда тѣтка видѣла его въ послѣдній разъ, былъ довольно неуклюжій дѣтина, достигшій того невыгоднаго возраста, когда голосъ безпрестанно мѣняется между пронзительнымъ дискантомъ и нестройнымъ басомъ, когда мальчики подстригаютъ украдкой пушокъ на бородѣ ножницами своихъ сестеръ, и когда видъ молодыхъ женщинъ производитъ на нихъ весьма непріятное ощущеніе

застѣнчивости и страха; когда ихъ присутствіе послѣ объѣда пугаетъ и дѣвицъ, перешептывающихся между собою въ гостиной, и свѣтскихъ джентльменовъ; принужденныхъ, по ихъ милости, воздерживаться отъ сантиментальныхъ любезностей и остроумныхъ замѣчаній; когда, послѣ первой бутылки кларета, папеньки говорятъ съ безпокойствомъ: «послушай-ка, мой милый, посмотри ступай, хороша ли погода» – и бѣдный недоросль, скрѣпя сердце, уходитъ до окончанія банкета наслаждаться вечернею погодой. И такъ Джемсъ былъ недорослемъ въ ту пору, когда миссъ Кроли видѣла его на «Королевиной усадьбѣ»; но теперь онъ молодой человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ и вышлифованными манерами, которыя пріобрѣтаются воздержною жизнью въ коллегіи и умѣньемъ наживать долги. Онъ кутилъ, учился, обрывался и былъ, что называется, молодецъ на всѣ руки.

Словомъ, онъ былъ прекрасный юноша, и такимъ нашла его миссъ Кроли въ первое свиданіе. Благовидная наружность всегда могла служить патентомъ на благосклонность этой леди. Застѣнчивость и неловкость Джемса не уронили его въ глазахъ тѣтки: она любовалась съ видимымъ удовольствіемъ этими признаками невинности молодого человѣка.

– Я пріѣхалъ сюда дня на два, сказалъ Джемсъ, – повидаюсь съ однимъ изъ университетскихъ товарищей, и... и засвидѣтельствовать свое почтеніе вамъ, сударыня. Мои родители кланяются вамъ, и надѣются, что вы совершенно здоровы.

Питтъ былъ въ комнатѣ миссъ Кроли, когда доложили о прибытіи Джемса, и было замѣтно по всему, что это имя произвело не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе на дипломата. Его смущеніе настроило старушку на веселый ладъ, и она принялась съ большимъ участіемъ спрашивать о своихъ родственникахъ въ пасторатѣ, которымъ, по ея словамъ, она уже давно собиралась сдѣлать свой личный визитъ. Она хвалила въ глаза молодого человѣка, восхищалась его мужественною красотою и обнаружила искреннее сожалѣніе, что сестры такъ мало похожи на него. Узнавъ, наконецъ, что мистеръ Джемсъ остановился въ гостинницѣ, миссъ Кроли приказала каммердинеру немедленно послать за его вещами.

— Какъ это можно! сказала миссъ Кроли. Вы должны были остановиться у меня, мой другъ. Послушай, Баульсъ, прибавила она съ граціозной улыбкой, — ты примешь на себя трудъ расплатиться тамъ за мистера Джемса Кроли.

И она бросила на Питта торжествующій взглядъ, возбуждѣнный страшною завистью въ его сердцѣ. Какъ ни старался онъ заискивать благосклонность своей тѣтки, она еще ни разу не приглашала его на жительство подъ свою кровлю, а этотъ вѣтрогонъ между-тѣмъ съ перваго свиданья попалъ въ милость.

— Прошу извинить, сэръ, сказалъ Баульсъ, доходя съ низкимъ поклономъ къ господину Джемсу, — въ какую гостиницу нашъ кучеръ долженъ ѣхать за вашими вещами?

— О, ѣхать совсѣмъ ненужно, сказалъ молодой человѣкъ,

съ безпокойствомъ повертываясь на стулѣ. Я пойду самъ.

— Куда? спросила миссъ Кроли.

— Въ трактиръ Тома Крибба, отвѣчалъ Джемсъ, покраснѣвъ до ушей.

Миссъ Кроли захохотала; мистеръ Баульсъ, какъ довѣренное лицо въ господскомъ домѣ, позволилъ себѣ фыркнуть; дипломатъ только улыбнулся.

— Я... я не зналъ лучшаго мѣста, сказалъ Джемсъ, опустивъ глаза въ землю. Я еще никогда не былъ въ Брайтонѣ. Кучеръ сказалъ, что это хорошая гостинница.

И совралъ — не кучеръ, а мистеръ Джемсъ. Дѣло въ томъ, что молодой человѣкъ познакомился въ саутамптонскомъ дилижансѣ съ однимъ отчаяннымъ боксѣромъ, который ѣхалъ въ Брайтонъ помѣряться своими силами съ извѣстнѣйшимъ бойцомъ. Очарованный бесѣдой господина Тотбери Пета (такъ назывался боксѣръ), мистеръ Джемсъ провелъ весьма пріятный вечеръ въ обществѣ этого ученаго мужа и его друзей. стоявшихъ въ трактирѣ Тома Крибба.

— Позвольте, я ужъ самъ побѣгу и расплачусь, миссъ Кроли, продолжалъ мистеръ Джемсъ. Я никакъ не думалъ безпокоить васъ, сударыня, прибавилъ онъ великодушно.

Тетка расхохоталась еще больше.

— Ступай же, Баульсъ, сказала она? махнувъ рукою, и принеси мнѣ его счетъ.

Бѣдная леди, вы не знаете, что дѣлаете. Что вамъ за охота смотрѣть на счетъ молодого студента?

— У меня тамъ собака... бульдогъ, сударыня, сказалъ Джемсъ, боязливо озираясь вокругъ, какъ провинившійся школьникъ. Я ужъ самъ пойду за нею. Собака презлая... кусаетъ икры вашему человѣку.

При этомъ описаніи захохотала вся компанія, не исключая миссъ Бриггсъ и леди Дженни, которыя сидѣли безмолвно въ продолженіе всѣхъ этихъ переговоровъ между племянникомъ и теткой. Мистеръ Баульсъ молча вышелъ изъ гостиной.

Имѣя въ виду наказать хорошенько своего старшаго племянника, миссъ Кроли продолжала обнаруживать свое благоволеніе къ молодому оксфордскому студенту. Ея ласковость, по обыкновенію, не имѣла никакихъ гранцъ, какъ скоро кто понравился ей съ перваго взгляда. Пригласивъ Питта на обѣдъ, она выѣхала съ младшимъ племянникомъ на гулянье, показывала его повсюду, и мистеръ Джемсъ рисовался въ фамильной коляскѣ миссъ Кроли. Въ продолженіе этой прогулки, она разговаривала съ нимъ съ удивительною благосклонностью, и блистала рѣдкою ученостью, дѣлая безпрестанно цитаты изъ итальянскихъ и французскихъ поэтовъ, что въ высшей степени озадачило молодого студента, совершенно не предполагавшаго такой свѣжей эрудиціи въ старой теткѣ. Миссъ Кроли нисколько не сомнѣвалась въ его собственной учености, и была увѣрена, что мистеръ Джемсъ получитъ золотую медаль, и непременно выйдетъ изъ уни-

верситета старшимъ диспутантомъ².

– Ха, ха; ха! откликнулся Джемсъ, ободренный комплиментами миссъ Кроли. Съ чего это вы взяли, миссъ Кроли? Старшій диспутантъ сидитъ за другимъ прилавкомъ.

– Что это за другой прилавокъ, мой милый?

– Старшіе диспутанты плодятся въ Кембриджѣ, сударыня, а не въ Оксфордѣ, замѣтилъ ученый юноша тономъ знатока.

И онъ вѣроятно сообщилъ бы ей интереснѣйшія свѣдѣнія насчетъ университетскихъ обычаевъ Кембриджа и Оксфорда, еслибъ въ эту самую минуту не повстрѣчалась съ ними таратайка, запряженная въ одну лошадь. Въ таратайкѣ сидѣли пріятели нашего героя, Тотбери Петъ и четверо другихъ джентльменовъ, съ которыми онъ пировалъ въ трактирѣ Тома Крибба. Увидѣвъ Джемса въ щегольскомъ экипажѣ, они поспѣшили снять свой клеенчатый фуражки и раскланялись съ нимъ очень учтиво. Это событіе совершенно разстроило молодого человѣка, и ужъ во всю дорогу миссъ Кроли не могла отъ него добиться ни да, ни нѣтъ.

По возвращеніи домой онъ нашелъ приготовленную для себя комнату и чемоданъ, принесенный изъ трактира. Мистеръ Баульсъ встрѣтилъ и проводилъ его съ видомъ чрезвычайно задумчивымъ и степеннымъ, но студентъ не обратилъ никакого вниманія на мистера Баульса и не замѣти-

² Senior Wrangler, буквально – старшій спорщикъ или диспутантъ. Такъ въ Кембриджскомъ университетѣ называютъ студента, который лучше всѣхъ выдерживаетъ экзаменъ въ полномъ собраніи Академическаго Совѣта (senatehouse) За нимъ слѣдуютъ второй, третій диспутантъ, и т. д.

ль, что тотъ бросаль на него сострадательные взоры. Другія мысли, безпокойныя и тяжелыя, роились въ головѣ мистера Джемса. Онъ оплакиваль свое страшное положеніе среди джентльменскаго дома, наполненнаго старухами, которыя говорятъ по французски, по итальянски, и разсуждаютъ съ нимъ о современныхъ поэтахъ. «Вѣдь этакъ будешь между ними столбъ столбомъ!» думаль скромный юноша, который не могъ смотрѣть прямо даже на кроткую и нѣжную миссъ Бриггсъ, когда она начинала говорить съ нимъ. Таковъ ли былъ онъ въ обществѣ боксёровъ и на дружескихъ пирушкахъ?

Съ обѣду мистеръ Джемсъ явился въ бѣломъ туго-накрахмаленномъ галстухѣ, и ему досталась честь вести въ столовую миледи Дженни, тогда-какъ Бриггсъ и мистеръ Питтъ шли позади, ведя подъ руки миссъ Кроли съ ея многосложными аппаратами шалей, ридикюлей и подушекъ. Половину своего времени за столомъ, миссъ Бриггсъ обыкновенно употребляла для надзора за комфортомъ больной старушки, и для угощенія ея жирной болонки, которую надлежало кормить жаренымъ цыпленкомъ, разрѣзавъ его правильнымъ образомъ на равныя части. Джемсъ говорилъ не слишкомъ много; но зато усердно подчиваль дамъ виномъ и еще усерднѣе угощаль самого себя шампанскимъ, истребивъ большую часть бутылки, которую приказали принести нарочно для него.

Когда леди вышла изъ столовой, оставивъ наединѣ двухъ двоюродныхъ братцевъ, мистеръ Питтъ, отставной дипло-

мать, поспѣшилъ вступить въ дружелюбныя сношенія съ молодымъ студентомъ. Онъ спрашивалъ съ большимъ участіемъ объ университетскихъ успѣхахъ Джемса, интересовался его планами, его будущею карьерою, и выразилъ лестную увѣренность, что мистеръ Джемсъ уйдетъ далеко. Чѣмъ больше они говорили, тѣмъ больше мистеръ Питтъ казался откровеннымъ и любезнымъ. Джемсъ, въ свою очередь одушевленный портвейномъ, рассказалъ предупредительно кузену всю подноготную изъ своей жизни отъ каникулъ, проводимыхъ въ родительскомъ домѣ, до веселыхъ пирушекъ въ Оксфордѣ между университетскими друзьями. Онъ даже сообщилъ по секрету, сколько разъ приходилось ему возиться съ займодавцами, и сколько было на немъ долговъ, причемъ мистеръ Джемсъ весело наливалъ опорожненные стаканы, быстро переходя отъ портвейна къ мадерѣ, и наоборотъ.

— Главнѣйшее удовольствіе тетюшки Кроли состоитъ въ томъ, сказалъ мистеръ Питтъ, наливая стаканъ своему кузену, что гости могутъ дѣлать въ ея домѣ все что имъ угодно. Домъ ея — *domicilium libertatis*, Джемсъ, и если вы хотите пріобрѣсть благосклонность миссъ Кроли, я совѣтую вамъ не церемониться. Дѣлайте, что вамъ нравится, и требуйте смѣло всего, что захотите. Я знаю, въ деревнѣ всѣ вы смѣялись надо мной, какъ надъ тори. Миссъ Кроли, какъ видите, терпитъ всякія мнѣнія, хотя сама придерживается совершенно противоположныхъ правилъ. Аристократическая порода въ

ея глазахъ ничего не значить.

— Зачѣмъ вы хотите жениться на графской дочери? замѣтилъ Джемсъ.

— Какъ зачѣмъ? Вспомните, любезный другъ, что бѣдняжка Дженни нисколько не виновата, что родилась дочерью лорда, отвѣчалъ мистеръ Питтъ ласковымъ и вкрадчивымъ тономъ. Происхожденіе, разумѣется, не могло зависѣть отъ нея. Ктому же, я тори, вы это знаете.

— О, что касается до этого пункта, я скажу вамъ, Питтъ, что старинная кровь не бездѣлица, мой другъ... да, сэръ, не бездѣлица. Будь вы тори или вигъ, мнѣ это все-равно... мнѣ даже, чортъ васъ побери, но я знаю, что такое быть истиннымъ джентльменомъ, сэръ. Посмотрите на этихъ ребятъ, что плывутъ впереди всѣхъ на водяныхъ скачкахъ, кто они? джентльмены, сэръ, древнѣйшей и чистѣйшей крови. А чья это собака давить крысъ съ такою демонскою ловкостію, и выигрываетъ первый призъ? Ну; дѣло извѣстное, сэръ... да что ты сочишь, любезный Баульсъ? Сбѣгай-ка еще за портвейномъ, покуда вотъ я дотягиваю здѣсь эту бутылку. О чемъ, бишь, я говорилъ?

— Вы, кажется, хотѣли рассказать, какъ собаки убиваютъ крысъ, подсказалъ мистеръ Питтъ, наливая новый стаканъ своему кузену.

— Эге! такъ вотъ оно куда пошло? Послушайте, Питтъ, любите ли вы охоту? Желаете ли вы видѣть, сэръ, какъ собака убиваетъ крысу? Если желаете, я совѣтую вамъ отправить-

ся со мной къ Тому Кордерою, и тотъ покажетъ вамъ такія штуки, что...

— Фи, какой же я пентюхъ! вскричалъ Джемсъ, раздражаясь залпомъ пронзительнаго смѣха на собственную свою глупость, — какъ-будто вы заботитесь о нашихъ собакахъ или крысахъ? Все вздоръ. Будь я скотина, если вы понимаете разницу между собакой и уткой.

— Да, кстати, продолжалъ Питтъ съ возрастающею любезностью, — вотъ новая бутылка.

— Не о ней шла рѣчь, сказалъ Джемсъ, глотая рубиновую влагу. Вотъ еще не такъ давно, въ прошедшій семестръ, вскорѣ послѣ того, какъ я вылинялъ... то-есть, вылечился отъ кори, сэръ, ха, ха, ха! но вѣдь это презабавная исторія! Сидѣли мы, сэръ, въ погребкѣ, я, то-есть, и Робертъ Рингвудъ, сынъ лорда Сенкбара... такъ вотъ оно, откуда ни возмись бенберійскій лодочникъ, да и вызываетъ на драку, его или меня, на порцію пунша. Я не могъ. Рука у меня была перевязана... не поднялъ бы и щепки... кобыла, на которой я ѣхалъ, упала со мной въ канаву, и ужъ я думалъ, что совсѣмъ переломилъ руку. И выходитъ, сэръ, что я принужденъ былъ спасовать, но Робертъ Рингвудъ снялъ свой сюртукъ, засучилъ рукава, постоялъ минуты три, да и ну тузить его на право и на лѣво. Повихнулся сэръ, да еще какъ!

— Вы не пьете, Диемсъ, сказалъ дипломатъ, наливая ему полный стаканъ.

— Э, шутите, любезный другъ, сказалъ Джемсъ, пристав-

ляя руку къ своему носу, и поглядывая на кузена своими пьяными глазами, – шутите, старый товаварищъ. Вы хотите свалить меня съ ногъ.... эксперимента ради; но это негодится, сэръ. *In vino Veritas*, пріятель. *Mars, Bacchus, Apollo vīrogum* – э?.. А нехудо; еслибы тѣтушка послала этакъ дюжины двѣ этой влаги моему родителю на усадьбу.

– Что жъ? вы можете спросить у ней, продолжалъ Макіавель, а покамѣстъ старайтесь теперь дѣлать лучшее употребленіе изъ своего досуга. Припомните, что сказалъ поэтъ:

«*Nunc vino pellite curas –
Cras ingens iterabimus aequor.*»

И кончивъ эту вакхическую цитату, пронзенную съ важностью парламентскаго оратора, мистеръ Питтъ проглотилъ нѣсколько капель вина, и поставилъ свою рюмку на столъ съ гремучимъ эффектомъ.

Въ пасторатѣ, когда послѣ обѣда откупоривали бутылку портвейна, молодыя леди выпивали только по одной рюмкѣ домашней смородиновки изъ особой бутылки. Мистриссъ Бьютъ наливала для себя одну рюмку портвейна, и честный Джемсъ обыкновенно ограничивался двумя рюмками, потому-что отецъ его всегда начиналъ сердиться, какъ-скоро онъ позволялъ себѣ производить дальнѣйшія нападенія на бутылку. Не желая огорчить мистера Бьюта, молодой человекъ утолялъ свою жажду смородиновкой, или уходилъ въ

конюшню наслаждаться джиномъ и водою въ обществѣ ку-чера и своей трубки. Въ Оксфордѣ количество вина не огра-ничивалось предписанными постановленіями, зато качество было всегда низшаго разряда; но когда количество и каче-ство соединялись вмѣстѣ, какъ теперь, въ домѣ богатой тѣт-ки, Джемсъ умѣлъ отдать полную справедливость превосход-ному напитку, и братецъ Питтъ едва ли имѣлъ нужду рас-пространяться въ убѣдительныхъ доказательствахъ относи-тельно необходимости осушить до дна вторую бутылку, при-несенную мистеромъ Баульсомъ.

Но когда подали кофе, и кузены должны были воротить-ся къ дамамъ, веселость молодого человѣка вдругъ исчезла, и онъ впалъ въ глубочайшее раздумье. Во весь вечеръ онъ говорилъ только *да* или *нѣтъ*, посматривалъ искоса на леди Дженни, и заключеніе опрокинулъ одну чашку.

Не вдаваясь ни въ какія разсужденія, мистеръ Джемсъ зѣвалъ безпрестанно самымъ плачевнымъ образомъ, и его присутствіе парализировало въ нѣкоторой степени вечернія упражненія женщинъ. Миссъ Кроли и леди Дженни играли въ пикетъ, миссъ Бриггсъ сидѣла за иглой, и всѣ онѣ чув-ствовали, что глаза молодого человѣка были устремлены на ихъ съ какимъ-то дикимъ выраженіемъ пьянаго любопыт-ства, отъ котораго становимся имъ очень неловко.

— Какой онъ молчаливый, робкій и застѣнчивый! сказала миссъ Кроли мистеру Питту.

— Съ мужчинами онъ разговорчивѣе, чѣмъ съ дамами,

сухо отвѣчалъ Макиавель, огорченный вѣроятно тѣмъ, что портвейнъ не развязалъ языка его кузену.

Проснувшись съ первыми лучами утренняго солнца, мистеръ Джемсъ принялся за письмо къ своей матери, и представилъ ей блистательный отчетъ о пріемѣ, который сдѣлали ему въ домѣ миссъ Кроли. Но увы! молодой человѣкъ не подозрѣвалъ, какое зло угрожало ему въ этотъ самый день. Случилось въ трактирѣ Тома Крибба обстоятельство мелочное и до такой степени пустое, что мистеръ Джемсъ даже забылъ о немъ. Наканунъ своего визита къ тѣткѣ, молодой человѣкъ, великодушный и щедрый по природѣ, угощалъ въ этомъ трактирѣ мистера Пета и троихъ его друзей, требуя безпрестанно воды и джина, который оказался главнѣйшимъ предметомъ этого утощенія. Впродолженіе вечера, вытребовано было восемнадцать стакановъ джина по восьми пенсовъ за каждый: такъ по крайней мѣрѣ значилось въ счетѣ, приготовленномъ для господина Джемса Кроли. Вотъ это самое обстоятельство сопровождалось роковыми послѣдствіями для молодого студента. Деньги тутъ не значили ровно ничего, но количество употребленной водки вопіяло сильнѣйшимъ образомъ противъ характера бѣднаго Джемса, когда буфетчикъ Баульсъ, по приказанію своей госпожи, пошелъ расплачиваться за молодаго джентльмена. Трактирщикъ, опасаясь за несостоятельность своего должника, поклялся торжественно, что Джемсъ самъ, собственнымъ ртомъ, безъ всякаго посторонняго участія, выпилъ всѣ эти восемь-

надцать стакановъ джина, и что съ него не берутъ лишняго ни одного фарсинга. Заплативъ деньги, Баульсъ, по возвращеніи домой, показалъ трактирный счетъ мистриссъ Фиркинъ, которая пришла въ ужась отъ такого страшнаго потребленія водки. Немедленно роковой счетъ былъ представленъ компаньйонкѣ Бриггсъ, завѣдывавшей финансовой частью, и уже отъ нея обо всѣхъ подробностяхъ узнала миссъ Кроли.

Если бы мистеръ Джемсъ выпилъ дюжину бутылокъ кларета, старая тѣтка извинила бы его великодушно. Мистеръ Фоксъ и мистеръ Шериданъ тоже пили клареть. Всѣ джентльмены пьотъ клареть. Но восемнадцать стакановъ джина, употребленныхъ съ боксёрами бѣ грязной харчевнѣ — нѣтъ! этого преступленія миссъ Кроли не простить никогда. Все, казалось, опрокинулось на бѣднаго юношу: онъ пришелъ домой, пропитанный запахомъ кошошни, куда онъ ходилъ навѣстить Тоузера, свою любимую собаку. Встрѣтивъ миссъ Кроли съ ея болонкой, злой бульдогъ чуть не загрызъ кроткую болонку, да и загрызъ бы, еслибъ она съ пронзительнымъ визгомъ не бросилась подъ защиту миссъ Бриггсъ, мѣжду-тѣмъ какъ безжалостный хозяинъ бульдога съ хохотомъ смотрѣлъ на эту поразительную сцену.

Въ этотъ день исчезла также и скромность несчастнаго Джемса. Онъ былъ за обѣдомъ необыкновенно живъ, весель и забавень, и выпустилъ двѣ, три остроумныя шуточки насчетъ мистера Питта Кроли. Сегодня, какъ и вчера, онъ выпилъ огромное количество вина, и храбро отправился въ го-

стиную забавлять почтенныхъ леди веселыми рассказами о походе въ Оксфордъ. Онъ описалъ имъ въ юмористическомъ духѣ атлетическія свойства многихъ знаменитыхъ боксёровъ, и въ довершеніе эффекта, изъявилъ готовность сразиться одинъ-на-одинъ съ мистеромъ Питтомъ, въ перчаткахъ или безъ перчатокъ – все-равно.

– И ты долженъ гордиться этимъ предложеніемъ, любезный другъ, сказалъ онъ съ громкимъ смѣхомъ, ударивъ своего кузена по плечу. Такихъ молодцовъ, какъ я, немного наберется въ вашемъ околоткѣ. Отецъ мой сказалъ, что онъ будетъ за меня держать закладъ какой угодно. Ха, ха, ха! Ну, сразимся, любезный!

Говоря это, онъ подмигнулъ на бѣдную миссъ Бриггсъ, и храбро завертѣлъ своимъ кулакомъ надъ головою Питта Кроли.

Быть-можетъ, всѣ эти шутки не совсѣмъ нравились мистеру Питту; однакожь, онъ ничѣмъ не обнаружилъ своей внутренней досады. Остроуміе Джемса истощилось. Когда миссъ Кроли пошла въ свою комнату, онъ схватилъ со стола свѣчу и, остановившись среди гостиной, расшаркнулся передъ старушкой самымъ джентльменскимъ манеромъ, причемъ восхитительная улыбка озарила его лицо. отправившись вслѣдъ за тѣмъ въ свою собственную спальню, онъ съ удовольствіемъ обозрѣлъ всѣ происшествія этого дня, и въ душѣ его водворилась несомнѣнная увѣренность, что старухины денежки перейдутъ въ его собственный карманъ, независимо отъ

мистера Бьюта и другихъ членовъ пасторскаго семейства.

Можно было бы подумать, что теперь, съ уходомъ въ спальню, окончились всѣ глупости молодого человѣка; однако-жь, на повѣрку вышло не то. Луна сіяла великолѣпно надъ безбрежнымъ моремъ, и мистеръ Джемсъ, привлеченный къ окну романтической перспективой океана и звѣзднаго неба, расчиталъ весьма основательно, что онъ можетъ наслаждаться этимъ видомъ, куря трубку. Никто, конечно, думалъ онъ, не услышитъ табачнаго запаха, если осторожно отворить окно и выставить свою голову съ трубкой на свѣжій воздухъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Но проникнутый поэтическимъ восторгомъ, блѣдный юноша забылъ, что дверь изъ его спальни была отворена все это время, отчего образовался сквозной вѣтеръ, распространявшійся по всему дому. При содѣйствіи этого вѣтерка, облака табачнаго дыма, сохраняя всю силу благовонной пахучести, немедленно донеслись до ноздрей миссъ Кроли и миссъ Бриггсъ.

Съ этой трубкой табаку окончились похождения нашего героя, и Бьюты Кроли на «Королевнной усадьбѣ» никогда не узнали, сколько тысячъ фунтовъ прокурилъ за одинъ разъ ихъ благородный сочленъ. Мистриссъ Фиркинъ бросилась со всѣхъ ногъ къ мистеру Баульсу, который читалъ въ эту минуту громкимъ и торжественнымъ голосомъ «Прозрачное Зерцало», въ назиданіе своего помощника, младшаго буфетчика, состоявшаго подъ его непосредственной командой. Увидѣвъ почтенную ключницу, блѣдную и растрепан-

ную, Баульсъ и его помощникъ подумали съ перваго раза, что въ джентльменскій домъ забрались разбойники, которыхъ ноги мистриссъ Фиркинъ замѣтила, вѣроятно, въ господской спальнѣ подъ кроватью миссъ Кроли. Но узнавъ въ чемъ дѣло, мистеръ Баульсъ въ одно мгновеніе ока перебѣжалъ лѣстницу третьяго этажа и ринулся въ спальню Джемса.

— Мистеръ Джемсъ! Мистеръ Джемсъ! закричалъ онъ, задыхаясь отъ ужасной тревоги. Перестаньте курить, сэръ, ради-Бога!

Молодой человѣкъ выпучилъ глаза.

— О, мистеръ Джемсъ! Что вы надѣлали? продолжалъ Баульсъ глубоко-патетическимъ голосомъ, выбрасывая трубку изъ окна. Что вы надѣлали, сэръ? Барыни терпѣть этого не могутъ.

— А имъ какая нужда? сказалъ Джемсъ съ неумѣстнымъ хохотомъ. Я курю для собственнаго удовольствія.

И онъ думалъ, что все это дѣло прійметъ шуточный оборотъ; но по-утру на другой день его мысли измѣнились, когда помощникъ Баульса, чистившій сапоги мистера Джемса, принесъ ему полотенцо и теплую воду для бритья. Вмѣстѣ съ полотенцомъ, слуга вручилъ молодому джентльмену записку, написанную рукою миссъ Бриггсъ. Записка была слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь, тѣтушка ваша провела чрезвычайно безпокойную ночь; благодаря дерзкому безразсудству, съ какимъ вамъ угодно было осквернить

сей домъ облаками табачнаго дыма. Миссъ Кроли поручаетъ мнѣ выразить ея сожалѣніе, что она, по нездоровью, никакъ не можетъ васъ видѣть передъ вашимъ отъѣздомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она крайне сожалѣетъ, что имѣла неосторожность перемѣстить васъ изъ харчевни, гдѣ, безъ сомнѣнія, вамъ пріятнѣе будетъ провести остальное время пребыванія вашего въ Брайтонѣ.»

И этимъ кончилось кандидатство Джемса на благосклонность богатой тётки. Въ сущности дѣла, онъ выполнилъ, самъ не зная какъ, свою угрозу сразиться съ мистеромъ Питомъ. Онъ сразился съ нимъ въ перчаткахъ.

* * *

Гдѣ же былъ, между-тѣмъ, первый любимецъ старой дѣвственницы, питавшій неизмѣнную преданность къ ея кошельку? Бекки и Родонъ, какъ мы видѣли, соединились послѣ ватерлооской битвы, и проводили съ торжественнымъ великолѣпіемъ зиму 1815 года въ Парижѣ. Ребекка была превосходная хозяйка, и они могли съ большимъ комфортомъ пробавляться, по крайней мѣрѣ одинъ годъ, тѣми деньгами, которыя она выручила за двухъ рысаковъ, проданныхъ бѣдному Джою. Не представлялось никакого случая обратитъ въ наличныя деньги пистолеты Родона, золотой погребецъ и его шинель на соболѣмъ мѣху. Бекки сдѣлала изъ

шинели прекрасную шубу для собственного употребленія, и щеголяла въ ней на публичномъ гуляньи въ Булонскомъ лѣсу. Интересно было видѣть восхитительную сцену, открывшуюся между нею и супругомъ, когда они, послѣ побѣды, соединились первый разъ въ Камбрѣ, и когда Ребекка принялась выгружать изъ-подъ своей подкладки карманные часики, брильянты, банковые билеты, золотыя цѣпочки и другія бездѣлки, которыя она скрыла такимъ-образомъ, на случай бѣгства изъ бельгійской столицы. Милордъ Тюфто былъ въ очарованіи, и Родонъ Кроли, заливаясь восторженными смѣхомъ, клялся, что супруга его драгоцѣннѣе всѣхъ сокровищъ въ мірѣ. Ребекка рассказала всѣ подробности своей торговли съ Джоемъ, и при этомъ остроуміе ея доходило до самой крайней степени совершенства.

Успѣхъ ея въ Парижѣ былъ замѣчателенъ. Француженки были отъ нея въ восторгѣ и превозносили ее до небесъ. Она говорила на ихъ языкѣ въ совершенствѣ, и вдругъ усвоила ихъ граціозность, живость, ихъ изящныя манеры. Мужъ ея былъ глупъ, но это не бѣда: скучный мужъ въ Парижѣ – лучшая рекомендація для его жены. Родонъ былъ наслѣдникомъ богатой и умнѣйшей миссъ Кроли, которой домъ, въ послѣднюю эмиграцію, былъ открытъ для французскаго дворянства. Всюду и всегда принимали супругу подполковника Родона, и одна знатная Француженка, бывшая въ короткихъ сношеніяхъ съ миссъ Кроли, писала ей между-прочимъ:

«Почему бы вамъ, незабвенная миссъ, не пріѣхать

къ намъ въ Парижъ, гдѣ теперь мы имѣемъ удовольствіе видѣть вашего племянника и прекрасную племянницу? Свѣтская молодежь безъ ума отъ очаровательной мистриссъ Кроли. Мы всѣ любимъ на ея замѣчательную красоту; и остроуміе прелестной Ребекки живо напоминаетъ намъ несравненную миссъ Кроли. Monsieur imbécile вчера обратилъ на нее вниманіе въ Тюильри, и всѣ наши красавицы завидуютъ ея блистательнымъ успѣхамъ. Еслибъ вы видѣли бѣшенство и досаду какой-то глупой миледи Барикрисъ (ея токъ, тюрбанъ и павлиньи перья красуются на всѣхъ собраніяхъ), когда герцогиня ангулемская, подойдя къ мистриссъ Кроли, какъ вашей protégée и милой дочери, благодарила ее, именемъ Фравціи, за вашу благосклонность ко всѣмъ нашимъ несчастнымъ эмигрантамъ! Она бываетъ во всѣхъ обществахъ, на всѣхъ балахъ – на балахъ, да, но не танцуетъ – и какъ интересна эта юная красавица, окруженная мужчинами, и которая уже скоро должна быть матерью! Какъ умилительно говоритъ она о васъ, о своей матери и покровительницѣ! Слезы невольно прорываются изъ глазъ, когда слушаешь ее въ эти минуты. О, еслибъ вы знали, какъ она любитъ васъ!.. Но мы всѣ любимъ нашу милую, добрую, незабвенную миссъ Кроли.»

Должно, однакожъ, думать, что это письмо знатной Парижанки не слишкомъ увеличило благосклонность обожаемой родственницы къ нашей героинѣ. Совсѣмъ напротивъ: старая дѣвственница разсвирѣпѣла до неимоверной степени,

когда узнала о настоящемъ положеніи Ребекки, и объ этой отчаянной дерзости, съ какой она воспользовалась ею именемъ, чтобы войти въ высшій парижскій кругъ. Душевное волненіе и физическая слабость не позволили ей самой сочинить для своего корреспондента французское письмо, и она продиктовала миссъ Бриггсъ неистовый отвѣтъ на своемъ собственномъ діалектѣ, отказываясь торжественно отъ мистриссъ Родонъ Кроли, и предостерегая французскую публику на счетъ этой страшной и безстыдной интригантки. Но такъ какъ *Madame la comtesse*, жившая въ Англіи лѣтъ двадцать назадъ, не понимала теперь ни одного слова, то при встрѣчѣ съ Ребеккой она ограничилась лишь тѣмъ, что уведомила ее въ общихъ выраженіяхъ о полученіи очаровательно письма отъ миссъ Кроли, наполненнаго, по ея словамъ, самыми лестными отзывами о мистриссъ Родонъ Кроли. Такая радостная вѣсть должна была естественнымъ образомъ оживить надежды нашей героини, и Ребекка была убѣждена, что тѣтушка перемѣнила, наконецъ, свой гнѣвъ на милость.

Между тѣмъ, она веселилась на славу, и въ маленькомъ ея салонѣ собирались всякія знаменитости съ противоположныхъ концовъ Европы. Прославленные воины сопровождали ея карету въ Булонскомъ лѣсу, и непрерывно толпились въ ея театральной ложѣ. Родонъ былъ наверху блаженства. Кредиторы еще не тревожили его въ Парижѣ; онъ игралъ, и ему везло почти всегда. Милордъ Тюфто былъ нѣсколь-

ко мраченъ и суровъ. Къ нему, совсѣмъ безъ приглашенія, пожаловала мистриссъ Тюфто, и притомъ десятки сильныхъ львовъ окружали всегда стулъ Ребекки, такъ что къ ея услугамъ являлись дюжины букетовъ, когда она ѣхала въ театръ. Леди Барикрисъ и другія представительницы англійскаго общества терзались страшнѣйшимъ негодованіемъ и завистью при видѣ блистательныхъ успѣховъ Ребекки; но всѣ мужчины были рѣшительно на ея сторонѣ. Ребекка съ удивительною храбростію поражала женщинъ ядовитыми насмѣшками, и онѣ должны были отмалчиваться, или выражать свое негодованіе на такомъ языкѣ, котораго никто не понималъ.

Такъ прошла зима 1815-16 года, ознаменованная для Ребекки перспективой безпрерывныхъ удовольствій. Она примѣнилась въ совершенствѣ къ нравамъ и обычаямъ великосвѣтской жизни, какъ-будто предки ея за цѣлыя столѣтія внесли свою фамилію въ аристократическій списокъ. Природные таланты, остроуміе, рѣдкая находчивость и удивительная стойкость характера, доставили ей почетное мѣсто на базарѣ житейской суеты. Весною тысяча восьмьсотъ-шестнадцатаго года; въ одной изъ французскихъ газетъ появилось слѣдующее извѣстіе: «28 марта, леди подполковница Кроли благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ и наслѣдникомъ.»

Это событіе немедленно было перенесено на столбцы англійскихъ газетъ, и миссъ Бриггсъ прочитала роковыя строки въ назиданіе миссъ Кроли, когда она кушала въ Брайтонѣ

свой завтракъ. Вслѣдъ затѣмъ произошелъ окончательный кризисъ въ дѣлахъ знаменитой фамиліи Кроли. Възбѣшенная газетнымъ извѣстіемъ, престарѣлая дѣвственница немедленно послала за Питтомъ, своимъ племянникомъ, и за леди Саутдаунъ. Когда они пришли, миссъ Кроли настоятельно потребовала, чтобы наконецъ приступлено было къ совершенію бракосочетанія, которое такъ долго откладывалось между обѣими фамиліями. Она объявила, что новобрачные получатъ отъ нея въ подарокъ тысячу фунтовъ годового дохода при ея жизни, и когда она умретъ, все ея имѣніе, вслѣдствіе законнаго завѣщанія, будетъ принадлежать племяннику и прекрасной ея племянницѣ, леди Дженни Кроли. Мистеръ Уэкси скрѣпилъ духовную старухи; лордъ Саутдаунъ, въ качествѣ посаженнаго отца, вручилъ свою сестру ея жениху; бракосочетаніе совершилъ епископъ англиканской церкви — къ великой досадѣ достопочтеннаго Бартоломея Аиронса, котораго совсѣмъ не пригласили на свадьбу.

Послѣ свадьбы, мистеръ Питтъ, по принятому обычаю, хотѣлъ совершить путешествіе съ своей юной супругой, но привязанность старушки къ леди Джении усилилась до такой степени, что она не хотѣла и слышать о разлукѣ съ новобрачной. Питтъ и его жена принуждены были остаться, и съ этой поры они всегда жили съ миссъ Кроли. Вскорѣ послѣ медоваго мѣсяца, мистеръ Питтъ съ огорченіемъ увидѣлъ, что дальнѣйшій путь его жизни отнюдь не будетъ сопровожденъ тихими и спокойными наслажденіями, такъ-какъ онъ

принужденъ быть, съ одной стороны, подчиняться безконечнымъ капризамъ своей тётки, съ другой — самовластной командѣ своей тещи. Леди Саудаунъ, изъ своего сосѣдняго дома, безпрестанно препровождала строжайшія предписанія, съ которыми въ своихъ поступкахъ, должны были сообразоваться и мистеръ Питтъ, и леди Дженни, и миссъ Кроли, и Бриггсъ, и Фиркинъ, и Баульсъ, и всѣ безъ исключенія. Она безжалостно мучила всю семью и учеными трактатами, и новоизобрѣтенными порошками своить модныхъ докторовъ. Она отстранила Кримера, водворила Роджерса, и скоро отняла у миссъ Кроли даже тѣнь какой бы то ни было власти въ ея собственномъ домѣ. Бѣдная старуха присмирѣла, и упала духомъ до такой степени, что не смѣла даже бранить свою робкую компаньонку. Съ каждымъ днемъ, она больше и больше влюблялась въ свою племянницу, которая теперь служила для нея единственнымъ утѣшеніемъ и отрадой.

Миръ тебѣ, умная и пошлая, добрая и эгоистическая, тщеславная и великодушная старуха! Больше мы не увидимся съ тобою. Станемъ надѣяться, что кроткая леди Дженни усладитъ послѣдніе твои дни, и спокойно выпроводитъ тебя на вѣчную квартиру отъ шумной борьбы и тревоженій на базарѣ житейской суеты.

Глава XXXIV

Вдова и мать

Извѣстіе о двухъ великихъ битвахъ при Quatre-Bras и Ватерлоо достигло Англіи въ одно и то же время. Военная Газета сначала объявила общій результатъ битвъ, и при этомъ достославномъ объявленіи вся Великобританія затрепетала отъ восторга. Затѣмъ слѣдовали дальнѣйшія подробности, и послѣ краснорѣчиваго описанія побѣдъ, на столбцахъ газеты появился длинный списокъ раненыхъ и убитыхъ. Кто можетъ изобразить тревожныя чувства, съ какими тогда развертывали и читали этотъ окончательный приговоръ судьбы! Побѣдные клики отозвались изъ Фландріи на всѣхъ пунктахъ Трехъ Соединенныхъ Королевствъ, отъ раззолоченныхъ чертоговъ перваго лорда, до послѣдней хижины убогаго фермера; но вообразите, если можете, послѣдующее состояніе британскихъ душъ и сердець, когда списки полковыхъ потерь расходились по рукамъ изъ одной хижины въ другую, и всюду приведено было въ извѣстность, живъ или нѣтъ такой-то другъ, родственникъ или знакомый. Если вы примете на себя трудъ развернуть и перелистовать огромныя пачки тогдашнихъ газетъ, вы неизбѣжно почувствуете даже теперь, несмотря на отдаленность времени, сильную тревогу ожиданія и страха, и, быть-можетъ, остановитесь въ разду-

мѣ на серединѣ этой исторіи, какъ-будто предчувствуя продолженіе ея сегодня или завтра. Представьте же, на сколько кратъ могли быть сильнѣе и живѣе эти чувства, когда газетные листики только-что выходили изъ типографскихъ станковъ! И если такой интересъ могъ быть ими возбужденъ на великобританской почвѣ, по поводу битвы, гдѣ сражалось всего только двадцать тысячъ Англичанъ... подумайте о состояніи Европы за тридцать слишкомъ лѣтъ назадъ, когда цивилизованные народы выставляли на кровавыя поля не тысячи, а миліоны солдатъ, изъ которыхъ каждый, поражая своего врага, наносилъ въ то же время ужасную рану какому-нибудь невинному созданію, живущему вдаль отъ мѣста битвы!

Одна строка, напечатанная въ этой газетѣ, нанесла страшнѣйшій ударъ мистеру Осборну-старшему и всему его почтенному семейству. Молодые дѣвицы необузданно предавались порывамъ своей грусти. Угрюмый старикъ-отецъ страдалъ безмолвно, сраженный лютою тоской. Судъ Божій совершился надъ непослушнымъ сыномъ, думалъ сначала мистеръ Осборнъ-старшій, но строгость этого приговора пугала его самого, и онъ не смѣлъ признаться, что исполненіе суда послѣдовало слишкомъ скоро за проклятіемъ, которое онъ произнесъ. Повременамъ, паническій страхъ проникалъ до самыхъ костей мистера Осборна, какъ-будто самъ онъ былъ исключительною причиною кары, разразившейся надъ его сыномъ. Что теперь дѣлать? Прежде еще, такъ или иначе,

можно было рассчитывать на мировую. Жена Джорджа могла умереть; самъ онъ могъ опамятоваться, прійдти къ отцу и сказать: «провинился я передъ тобою: прости, отецъ великодушный!» Но теперь не было никакой надежды впереди. Сынъ стоялъ по другую сторону непроходимой бездны, бросая на отца грустные взоры. Осборнъ помнилъ эти взоры въ одну изъ критическихъ минутъ, когда Джорджъ, томимый пароксизмомъ томительной горячки, лежалъ на болѣзненномъ одрѣ, безъ языка, безъ памяти, безсознательно устремивъ на отца свои тусклые глаза. Великій Боже! Съ какимъ страшнымъ безпокойствомъ несчастный отецъ слѣдилъ въ ту пору за движеніями доктора, не отходившаго отъ постели своего паціента, и какое бремя сокрушительной тоски отлегло отъ его сердца, когда сынъ, послѣ лихорадочнаго кризиса, былъ снова призванъ къ жизни, и когда въ глазахъ его, обращенныхъ на отца, заискрился лучъ человѣческаго сознанія! Но теперь, увы! теперь все погибло, разомъ и навсегда. Нѣтъ болѣе надежды ни на выздоровленіе, ни на примиреніе, и не прійдетъ несчастный сынъ съ повинной головою вымаливать прощеніе у оскорбленнаго отца, и уже ничто не приведетъ въ правильный порядокъ отравленной гнѣвомъ крови мистера Осборна... Трудно, впрочемъ, сказать, чемъ больше мучилось и терзалось сердце гордаго Британца: тѣмъ-ли, что сынъ его отправился на тотъ свѣтъ, не получивъ великодушнаго прощенья, или тѣмъ, что онъ лишился наслажденія увидѣть со временемъ уничиженіе и покорность молодого человѣка.

Но каковъ бы ни былъ характеръ этихъ ощущеній, мистеръ Осборнъ-старшій, гордый и суровый, не повѣрялъ ихъ никому. Онъ не произнесъ передъ семействомъ имени своего сына, но приказалъ старшей дочери распорядиться, чтобъ всѣ женщины въ его домѣ облеклись въ глубокій трауръ, и чтобъ всѣ слуги, безъ исключенія, носили черное платье съ крепомъ. Вечернія собранія, обѣды и балы прекратились надолго. Свадьба младшей дочери отложена на неопредѣленное время. Женихъ, правда, не получилъ никакихъ изустныхъ свѣдѣній, но довольно было взглянуть на лицо мистера Осборна, чтобъ не дѣлать ему никакихъ распросовъ на этотъ счетъ. Господинъ Фредерикъ Буллокъ, сметливый, вѣжливый и деликатный, велъ себя такимъ-образомъ, какъ-будто и не думали назначать день свадьбы. Онъ и молодые дѣвѣцы перешептывались иногда относительно этого предмета въ гостиной наверху, куда старикъ-отецъ не приходилъ никогда. Мистеръ Осборнъ постоянно сидѣлъ въ своемъ собственномъ кабинетѣ, и съ наступленіемъ общаго траура, окна передней части дома были закрыты наглухо.

Недѣли черезъ три, послѣ восемнадцатаго іюня, пришелъ на Россель-Скверъ старинный знакомый мистера Осборна, сэръ Вилльямъ Доббинъ, отецъ майора Доббина, взволнованный и блѣдный. Объявивъ, что ему непременно нужно видѣть мистера Осборла, онъ вошелъ въ его кабинетъ и произнесъ, ради привѣтствія, нѣсколько безсвязныхъ словъ, которыхъ смыслъ остался сфинксовой загадкой и для хозяина,

и для гостя. Затѣмъ, послѣ этой прелюдіи, сэръ Вилльямъ Доббинъ вынулъ изъ бумажника письмо, запечатанное большою красною псчатыю.

— Мой сынъ, майоръ Доббинъ, сказалъ альдерменъ нервнительнымъ и дрожащимъ голосомъ, прислалъ мнѣ письмо съ однимъ изъ офицеровъ Трильйоннаго полка, прибывшимъ сегодня въ Лондонъ. Въ его конвертѣ есть письмо и къ вамъ, Осборнъ. Вотъ оно.

Альдерменъ положилъ письмо на столъ. Минуту или двѣ Осборнъ смотрѣлъ на своего гостя, не говоря ни слова. Испуганный выраженіемъ на лицѣ убитаго горестію старика, сэръ Вилльямъ Доббинъ взялъ шляпу, поклонился и ушелъ.

Адресъ былъ написанъ рукою Джорджа. Старикъ хорошо зналъ смѣлый его почеркъ. То было письмо, которое мистеръ Осборнъ-младшій написалъ на зарѣ шестнадцатаго іюня, за нѣсколько минутъ до вѣчной разлуки съ Амеліею. Большая красная печать изображала фамилный гербъ съ девизомъ: «*рах in bello*». Гербъ этотъ принадлежалъ собственно старинному джентльменскому дому, съ которымъ старикъ Осборнъ имѣлъ слабость воображать себя въ родствѣ. Рука, подписавшая письмо, уже не будетъ больше держать ни пера, ни шпаги. Самая печать, запечатавшая письмо, была похищена у Джорджа, когда онъ бездыханнымъ лежалъ на полѣ битвы. Отецъ не зналъ этого. Онъ сидѣлъ безмолвно, устремивъ на конвертъ блуждающіе взоры. Ему сдѣлалось почти дурно, когда, наконецъ, онъ рѣшился сломать печать.

Случалось ли вамъ ссориться съ другомъ, милымъ для вашего сердца? Если случалось, такъ вы знаете, что письма, полученные отъ него въ періодъ взаимной любви и довѣренности, становятся для васъ страшнымъ укоромъ. Какой печальный трауръ вы носите въ своей душѣ, когда останавливаетесь на этихъ сильныхъ протестахъ исчащей привязанности, и какими эпитафіями становятся эти письма на трупъ умершей любви! Какой жалкій комментарий слышится вамъ въ нихъ на жизнь и суету людскую! У многихъ изъ насъ хранятся, вѣроятно, цѣлые ящики документовъ этого рода, но едва ли кто имѣетъ охоту заглядывать въ нихъ. Это — скелеты въ нашей кладовой: мы хранимъ ихъ, и тщательно избѣгаемъ ихъ. Долго трепеталъ мистеръ Осборнъ передъ письмомъ своего сына.

Молодой человѣкъ писалъ немного. Гордость не позволила ему излить вполнѣ нѣжныя чувства, которыми въ ту пору было переполнено его сердце. Мистеръ Осборнъ-младшій говорилъ, что, передъ отправленіемъ на великую битву, онъ желалъ сказать своему отцу послѣднее «прости», и вмѣстѣ считалъ священнымъ долгомъ поручить его великодушію свою жену, и, быть-можетъ, младенца, котораго онъ оставляетъ съ ней. Онъ признавался съ сокрушеніемъ сердечнымъ, что въ рукахъ его не было уже большей части материнскаго наслѣдства. Благодарилъ отца за его прежнее великодушіе, и, въ заключеніе, давалъ торжественное обѣщаніе, что, приготавливаясь ко всѣмъ возможнымъ случайностямъ на

полѣ битвы, онѣ будетѣ, во всякомѣ случаѣ, поступать какѣ истинный джентльменѣ, достойный имени Джорджа Осборна.

Больше ничего не могѣ сказать молодой человекѣ, ослѣпленный неумѣстною гордостію и чванствомѣ. Мистерѣ Осборнѣ-старшій не видѣлъ поцалую, которымѣ Джорджѣ запечатлѣлъ его имя на этомѣ письмѣ. Предсмертное посланіе Джорджа выпало изѣ рукѣ несчастнаго старика. Его сынѣ, единственный и все еще любимый, умерѣ непрощеннымѣ.

Вѣ одинѣ прекрасный день, мѣсяца черезѣ два послѣ этого событія, молодыя дѣвицы Осборнѣ, пріѣхавѣ вѣ церковь съ своимѣ отцомѣ, замѣтили, что старикѣ перемѣнилѣ свое мѣсто, обыкновенно занимаемое имѣ впродолженіе божественной службы. Онѣ сѣлъ позади дочерей и безпрестанно смотрѣлъ, черезѣ ихѣ головы, на противоположную стѣну. Молодые дѣвицы машинально повернулись кѣ той сторонѣ, куда обращены были грустные взоры отца, и увидѣли... и увидѣли изящный монументѣ на стѣнѣ, изображавшій Британію, плачущую надѣ урной. Переломленная шпага и низверженный левѣ служили несомнѣннымѣ признакомѣ, что монументѣ былѣ воздвигнутѣ вѣ честь скончавшагося воина. Скульпторы того времени истощили всю свою мыслительную силу на изображеніе памятниковѣ съ эмблемами этого рода, и лондонская церковь Св. Павла представляетѣ цѣлая сотни подобныхѣ аллегорій, дѣйствующихѣ равномерно на умѣ и сердце.

Подъ монументомъ, о которомъ идетъ рѣчь, рѣзецъ художника мастерски изобразилъ фамилный гербъ Осборновъ, и затѣмъ начертана была слѣдующая надпись:

«Сей монументъ воздвигнутъ и посвященъ памяти Георгія Осборна-младшаго, британскаго дворянина и капитана пѣхотнаго Трильйоннаго полка, павшаго на полѣ чести и славы восемнадцатаго іюня, 1815 года. Онъ сражался за свое отечество въ день достославной побѣды при Ватерлоо, и палъ, съ оружіемъ въ рукахъ, двадцати-восми лѣтъ отъ рожденія. *O, quam est dulce et decorum pro patria mori!*»

Взглядъ на печальный памятникъ подѣйствовалъ до такой степени на нервы чувствительныхъ сестрицъ. что миссъ Мери принуждена была оставить церковь. Джентльмены и леди почтительно посторонились передъ плачущими дѣвицами, одѣтыми въ глубокій трауръ, и душевно соболѣзновали объ угрюмомъ старцѣ, сидѣвшемъ противъ монумента, посвященнаго его сыну.

— Что жъ теперь? Простить ли онъ вдову Джорджа, бѣдную мистриссъ Эмми? разсуждали между собою молодыя дѣвицы, когда прошли первые взрывы ихъ сердечной грусти.

Много и долго толковали объ этомъ предметѣ всѣ знакомые Осборновъ, которымъ былъ извѣстенъ несчастный разрывъ отца съ сыномъ. Простить онъ, или нѣтъ, мистриссъ Джорджъ? Многіе джентльмены на Россель-Скверѣ и въ Сити держали даже огромныя пари до поводу положительныхъ

и отрицательныхъ отвѣтовъ на этотъ интересный вопросъ.

Скоро безпокойства и сомнѣнія сестрицъ возрасли до неимовѣрной степени, когда, въ концѣ осени, дошло до ихъ свѣдѣнія, что папа уѣзжаетъ за границу. Осборнъ никому не объявилъ о своемъ маршрутѣ, но всѣмъ было извѣстно, что путь его лежитъ въ Бельгію, гдѣ покоились бранные останки его сына, и гдѣ до сихъ поръ проживала мистриссъ Джорджъ. Леди Доббинъ и дочери извѣщали подробно Россель-Скверскихъ дѣвицъ о судьбѣ бѣдной Амеліи. Честный капитанъ Доббинъ былъ повышенъ чиномъ вслѣдствіе смерти второго майора въ Трильйонномъ полку: храбрый майоръ Одаудъ, обнаружившій на полѣ битвы удивительное хладнокровіе и мужество, былъ произведенъ въ полковники и получилъ орденъ Бани второй степени.

Многіе храбрые воины британскихъ полковъ, жестоко пострадавшіе въ дѣлѣ, должны были остаться въ Брюсселѣ на эту осень, для излеченія своихъ ранъ. Послѣ двухъ великихъ сраженій, бельгійская столица превратилась на цѣлые мѣсяцы въ огромный лазаретъ, наполненный больными изъ многихъ европейскихъ націй. Съ постепеннымъ выздоровленіемъ офицеровъ и солдатъ, изувѣченные воины, старые и молодые, счастливо избавившіеся отъ смерти, стали появляться въ брюссельскихъ садахъ и во всѣхъ другихъ публичныхъ мѣстахъ, предаваясь своимъ прежнимъ наклонностямъ и привычкамъ. Базаръ житейской суеты оживился снова, и въ балаганахъ его зароились опять интриги и продѣлки всякаго

рода. Мистеръ Осборнъ отыскалъ безъ труда нѣкоторыхъ воиновъ Трильйоннаго полка. Онъ хорошо зналъ ихъ военную форму, слѣдилъ неутомимо за всѣми ихъ повышеніями и перемѣнами, и любилъ повсюду разговаривать объ офицерахъ, какъ-будто онъ и самъ служилъ въ Трильйонномъ полку.

По пріѣздѣ въ Брюссель, мистеръ Осборнъ остановился въ гостинницѣ, выходившей окнами въ паркъ. Гуляя на другой день въ саду, онъ увидѣлъ отдыхающаго на каменной скамейкѣ солдата, въ хорошо знакомой ему формѣ. Мистеръ Осборнъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и сѣлъ подлѣ него.

— Не служили ли вы въ ротѣ капитана Осборна? сказалъ старикъ, преодолевая внутреннее волненіе, и потомъ, послѣ кратковременной паузы, прибавилъ: онъ былъ сынъ мой, сэръ.

Израненный воинъ не имѣлъ чести служить въ ротѣ капитана Осборна; но онъ почтительно всталъ съ своего мѣста, и прикоснувшись здоровою рукой къ своей фуражкѣ, привѣтствовалъ сокрушеннаго горестію старца, предложившаго ему этотъ вопросъ.

— Въ цѣлой арміи, ваше благородіе, не было офицера прекраснѣе и храбрѣе капитана Осборна, сказалъ раненный воинъ, садясь опять на свое мѣсто. Сержантъ капитанской роты, (ею командуетъ теперь капитанъ Рэймондъ), еще въ Брюсселѣ, сэръ, и почти совсѣмъ выздоровѣлъ отъ раны въ правое плечо. Ваше благородіе можете видѣться съ нимъ во всякое время, и онъ охотно раскажетъ вамъ обо всѣхъ по-

дробностяхъ того дня. Но вы ужь, безъ сомнѣнія, изволили видѣть майора Доббина, друга вашего сына; видѣли, конечно, и мистриссъ Осборнъ, которая, какъ говорятъ, очень больна. Около шести недѣль, послѣ смерти своего супруга, она была, говорятъ, какъ помѣшанная. Впрочемъ, все это вы знаете, сэръ... прошу извинить, сэръ, заключилъ израненный воинъ, притрогиваясь опять къ своей фуражкѣ.

Осборнъ положилъ гинею въ руку солдата, и сказалъ, что онъ охотно дастъ другую, если тотъ приведетъ къ нему сержанта въ Hôtel du Parc. Это обѣщаніе сопровождалось вожделѣннымъ успѣхомъ. Не прошло и десяти минутъ, какъ ожидаемый сержантъ явился предъ лицо мистера Осборна. Прежній солдатъ между-тѣмъ пошелъ къ своимъ товарщикамъ, и рассказалъ о великой щедрости новоприбывшаго джентльмена. Съ радости, они отправились въ трактиръ, и долго пировали этотъ вечеръ насчетъ двухъ гиней, почерпнутыхъ изъ кошелька британскаго негоціанта.

Въ обществѣ выздоравливающаго сержанта, мистеръ Осбордъ немедленно предпринялъ путешествіе на поля Ватерлоо и Quatre-Bras. тысячи его соотечественниковъ совершали въ ту пору такія же поѣздки. Мистеръ Осборнъ посадилъ сержанта съ собою въ коляску, и отправился подъ его руководствомъ обозрѣвать поля, орошенные британской кровью. Ему указали на пунктъ дороги, гдѣ впервые Трильонный полкъ вступилъ въ дѣйствіе съ французской кавалеріей, которая преслѣдовала и тѣснила отступавшіе пол-

ки Бельгійцевъ. Вотъ то самое мѣсто, гдѣ благородный капитанъ Осборнъ поразилъ наповаль французскаго офицера, отнимавшаго знамя у молодого прапорщика Стоббля: сержанты, охранявшіе знамя, были уже изрублены въ куски. По этой же дорогѣ они отступили на другой день, и вотъ знаменитый берегъ, гдѣ Трильйонный полкъ, подъ дождемъ и ненастьемъ, расположился бивуакомъ въ ночь на семнадцатое іюня. Немного подальше была позиція, которую они, прикрытые противоположнымъ берегомъ отъ неистовыхъ залповъ французской артиллеріи, заняли и удерживали въ продолженіе слѣдующаго дня, безпрестанно отражая натискъ непріятельской кавалеріи. Вотъ здѣсь, на этомъ самомъ склонѣ, ввечеру, когда британскія колонны, повинуясь командѣ генераловъ, храбро выступили впередъ для окончательнаго пораженія отступившаго непріятеля, капитанъ Осборнъ закричалъ «ура», и размахивая своею шпагой, паль навзничь, прострѣленный навывлетъ непріятельскою пулей.

— Майоръ Доббинъ отвезъ въ Брюссель тѣло капитана, и похоронилъ его съ приличными почестями, заключилъ сержантъ тихимъ голосомъ. Это ужь, конечно, вы знаете, сэръ.

Когда солдатъ рассказывалъ эту печальную повѣсть, сметливые промышленники, готовые торговать всѣмъ что ни попало, обступили со всѣхъ сторонъ мистера Осборна, предлагая ему кресты, эполеты, орлы, изрубленные кирасы и другіе остатки, подобранные ими послѣ сраженія на полѣ битвы.

Обозрѣвъ всѣ эти сцены послѣднихъ подвиговъ Джорджа;

мистеръ Осборнъ щедро наградилъ своего проводника. Мѣсто, гдѣ похоронили его сына, онъ уже видѣлъ. Мистеръ Осборнъ съѣздилъ туда немедленно по прибытіи въ Брюссель. Тѣло Джорджа покоилось недалеко отъ города, на живописномъ Лекенскомъ кладбищѣ, гдѣ онъ самъ изъявилъ желаніе имѣть свою могилу, когда разъ случилось ему быть здѣсь съ веселыми джентльменами и леди, предпринимавшими загородную прогулку. майоръ Доббинъ положилъ своего друга въ уединенномъ углу сада, огражденномъ небольшимъ заборомъ отъ безконечнаго ряда склеповъ, палисадниковъ и кустовъ, гдѣ хоронили католическихъ покойниковъ. Старику Осборну показалось униженіемъ, что сынъ его, англійскій джентльменъ и капитанъ славной британской арміи, лежитъ вдали отъ мѣста; гдѣ погребены были другіе иностранцы. Кто изъ насъ можетъ опредѣлить вѣрно и точно, въ какой степени собственное наше тщеславіе проглядываетъ черезъ уваженіе къ милымъ для насъ особамъ, и въ какой мѣрѣ проникается эгоизмомъ чувство нашей нѣжнѣйшей любви? Мистеръ Осборнъ не размышлялъ объ этомъ, и не трудился объяснить, какимъ образомъ въ его натурѣ грубый эгоизмъ боролся съ благороднѣйшимъ инстинктомъ. Онъ твердо вѣрилъ въ непогрѣшительность всѣхъ своихъ поступковъ, и былъ убѣжденъ, что личное его мнѣніе для всѣхъ и cadaго должно имѣть силу непреложнаго закона. Его ненависть и злоба, какъ жало осы или змѣи, вооружались противъ всего, что преграждало ему дорогу. Онъ гор-

дился своею ненавистью, какъ и всѣми чувствованіями, волновавшими его грудь. Быть всегда правымъ, идти впередъ зажмуря глаза и не встрѣчать нигдѣ ни малѣйшихъ сомнѣній — увы! какъ много философовъ на базарѣ житейской суеты, умозрительныхъ и практическихъ, которые безумно слѣдуютъ этому принципу?

Возвращаясь съ ватерлооскаго поля уже на закатѣ солнца, мистеръ Осборнъ встрѣтилъ недалеко отъ городскихъ воротъ другую коляску, гдѣ сидѣли молодой джентльменъ и двѣ женщины, сопровождаемыя офицеромъ, ѣхавшимъ верхомъ подлѣ ихъ *barouche*. Сержантъ, ѣхавшій съ мистеромъ Осборномъ, дотронулся до своей фуражки, отдавая честь офицеру, и тотъ машинально отвѣтилъ на его привѣтъ. Вдругъ Осборнъ задрожалъ и отпрянулъ назадъ, къ изумленію сержанта, вперившаго въ него свои глаза. Въ коляскѣ была Амелія съ молодымъ хромоногимъ прапорщикомъ, и насупротивъ нихъ сидѣла ея неизмѣнно-вѣрная подруга, мистриссъ полковница Одаудъ. Да, то была Амелія; но какъ она непохожа была на ту миловидную, свѣженькую дѣвушку, которую зналъ мистеръ Осборнъ! Она была теперь и блѣдна, и худощава, и тонка. Ея прекрасные каштановые волосы скрывались за вдовьимъ чепцомъ — бѣдное дитя! и мутные глаза ея были неподвижны. При встрѣчѣ двухъ экипажей, мистриссъ Эмми взглянула на Осборна, но не узнала его. Не угадалъ бы и ее мистеръ Осборнъ, еслибъ не увидѣлъ Доббина, ѣхавшаго подлѣ, но присутствіе его объяснило, кто была

эта женщина, сидѣвшая въ коляскѣ. До настоящей минуты онъ не зналъ, повидимому, и самъ, какъ сильна была ненависть его къ женѣ покойнаго Джорджа. Когда экипажъ проѣхалъ мимо, онъ обернулся, и бросилъ на сержанта взглядъ, исполненный проклятія и злобы. Казалось, онъ говорилъ:

— Какъ смѣешь ты смотрѣть на меня, дерзкій человѣкъ? Знаешь ли ты, что я ненавижу эту женщину всѣми силами своей души? Она разбила въ прахъ всѣ мои надежды, съ презрѣніемъ попраля мою гордость, унизила, уничтожила меня.

— Скажи этому негодяю, чтобъ онъ ѣхалъ скорѣе, громко закричалъ мистеръ Осборнъ лакею, сидѣвшему на козлахъ.

Спустя минуту, послышался топотъ лошади на мостовой за коляской Осборна. То скакалъ мистеръ Доббинъ. При встрѣчѣ экипажей, мысли его бродили далеко, въ странахъ воздушныхъ, и онъ не прежде, какъ проѣхавъ нѣсколько шаговъ, припомнилъ, что въ глазахъ его отражался суровый образъ мистера Осборна. Онъ обернулся, чтобъ посмотрѣть впечатлѣніе, произведенное этой встрѣчей на мистриссъ Эмми, но бѣдная женщина, казалось, не замѣтила своего тестя. Тогда Вильямъ, сопровождавшій ежедневно мистриссъ Джорджъ въ ея загородныхъ прогулкахъ, вынулъ изъ кармана часы, и сказалъ, что ему необходимо воротиться въ городъ, вслѣдствіе одного важнаго порученія, о которомъ онъ совсѣмъ забылъ. извинившись такимъ-образомъ передъ дамами, онъ поскакалъ назадъ. Амелія ничего не замѣчала. Она сидѣла безмолвно на своемъ мѣстѣ, устремивъ

глаза въ туманную даль, куда нѣкогда проводила она своего Джорджа.

— Мистеръ Осборнъ! Мистеръ Осборнъ! закричалъ под-скакавшій къ коляскѣ Доббинъ, протягивая свою руку.

Угрюмый старикъ, не дѣлая никакого движенія въ отвѣтъ на это привѣтствіе, приказалъ кучеру ѣхать еще скорѣе. Доббинъ ухватился за коляску.

— Извините, сэръ, сказали онъ, — я долженъ видѣться съ вами. У меня есть порученіе къ вамъ.

— Отъ этой женщины? гордо спросилъ Осборнъ.

— Нѣтъ, сэръ, отъ вашего сына.

Мистеръ Осборнъ отпрянулъ въ уголь коляски. Доббинъ поскакалъ сзади, не говоря болѣе ни слова до тѣхъ поръ, пока экипажъ остановился у подъѣзда гостиницы Парка. Тутъ онъ послѣдовалъ за старикомъ въ ето нумеръ. Джорджъ часто бывалъ въ этихъ комнатахъ, такъ-какъ здѣсь квартировали мистеръ и мистриссъ Кроли въ продолженіе ихъ пребыванія въ бельгійской столицѣ.

— Что вамъ угодно, капитанъ Доббинъ... Ахъ нѣтъ, прошу извинить, *майоръ* Доббинъ, потому-что съ тѣхъ поръ, какъ лучшіе люди умерли, вы заняли ихъ мѣста и щеголяете въ ихъ шляпахъ, какъ вороны въ павлиньихъ перьяхъ, смѣю сказать... что вамъ угодно, майоръ Доббинъ? спросилъ мистеръ Осборнъ саркастическимъ тономъ.

— Лучшіе люди умерли, ваша правда, сэръ, подтвердилъ Доббинъ, — и я пришелъ говорить съ вами объ одномъ изъ

этихъ лучшихъ людей.

— Въ такомъ случаѣ, сэръ, не угодно ли вамъ безъ обвиняковъ приступить къ дѣлу, сказали Осборнъ, бросая суровый взглядъ на своего незваного гостя.

— Я стою передъ вами, какъ другъ вашего сына, продолжалъ майоръ, — и какъ исполнитель его воли. Онъ составилъ свое завѣщаніе передъ выступленіемъ въ походъ. Извѣстно ли вамъ, сэръ, какъ ограничены были его средства, и въ какомъ стѣсненномъ положеніи находится теперь его вдова?

— Я не знаю его вдовы, сэръ, отвѣчалъ Осборнъ. Пусть она воротится назадъ къ своему отцу, если ей угодно.

Но джентльмень, къ которому обращены были эти слова, рѣшился быть упрямымъ до самаго нельзя, и продолжалъ, пропустивъ мимо ушей замѣчаніе Осборна.

— Извѣстно ли вамъ, сэръ, критическое положеніе мистриссъ Джорджъ? Ея жизнь и разумъ едва не сокрушились отъ удара, который обрушился надъ ея головой, и еще мы не знаемъ навѣрное, оправится ли она отъ этого удара. Есть одна только надежда на ея выздоровленіе, и о ней то собственно пришелъ я говорить съ вами. Мистриссъ Джорджъ скоро должна быть матерью. Падетъ ли оскорбленіе родителя на голову его дитяти, или напротивъ, вы простите младенца, изъ уваженія къ памяти его отца?

Въ отвѣтъ на это, мистеръ Осборнъ-старшій разразился рапсодіей самохвальства и упрековъ. Съ одной стороны, онъ вполне оправдывалъ свои поступки передъ судомъ своей

собственной совѣсти; съ другой — преувеличиваль непокорность Джорджа. Нѣтъ во всей Англіи отца, столько великодушнаго къ своему сыну и едва-ли найдется сынъ, столько гордый и упорный, какъ Джорджъ. Онъ даже передъ смертью не счелъ нужнымъ признаться откровенно въ своей винѣ. Пусть же теперь, за могилой, беретъ онъ на себя послѣдствія своей безпорядочной жизни.

— Что-жь касается до меня, майоръ Доббинъ, я былъ всегда и надѣюсь быть впередъ господиномъ своего слова, продолжалъ мистеръ Осборнъ, сопровождая свою рѣчь патетическимъ жестомъ. Я поклялся, что эта женщина никогда не будетъ моей дочерью, и вы можете быть увѣрены, что никакія побужденія не заставятъ меня, на старости лѣтъ, быть нарушителемъ своей клятвы. Можете сказать это Амеліи, если вамъ угодно, и вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу васъ, майоръ Доббинъ, избавить меня разъ навсегда отъ своихъ визитовъ.

Итакъ, не было съ этой стороны ни малѣйшей надежды. Вдова должна жить своимъ крошечнымъ пансіономъ, и тѣми деньгами, которыя вздумаетъ предложить ей Джозъ.

«Говорить ли объ этомъ мистриссъ Эмми? съ горестью думалъ майоръ Доббинъ. Незачѣмъ, да и не стоитъ: она не пойметъ, и не будетъ слушать.»

Всамомъ дѣлѣ, мысли бѣдной женщины еще ни разу не обращались на этотъ пунктъ, и подавленная своей горестью, она равнодушно смотрѣла на все, что происходило вокругъ нея. Добро и зло, ненависть и дружба, не имѣли никакого

значенія въ ея глазахъ. Ласки и добрые совѣты она выслушивала безсознательно; погруженная въ свсяю вѣчную печаль.

* * *

Вообразите, что послѣ этихъ переговоровъ прошло мѣсяцевъ двѣнадцать въ жизни нашей бѣдной Амеліи. Первую половину этого времени она провела въ такой ужасной и, повидимому, неисцѣлимой тоскѣ, что мы, имѣвшіе случай наблюдать и описывать движенія этого слабого и нѣжнаго созданія, должны были отступать нѣсколько разъ при видѣ жестокой скорби, способной облить кровью всякое чувствительное сердце. Молча обойдите безпомощное ложе страждущей вдовы. Осторожнѣе закройте дверь завѣшанной колна-ты, гдѣ она лежитъ, подражая, въ этомъ отношеніи, сострадательнымъ особамъ, которыя ухаживали за ней въ первые мѣсяцы ея болѣзни.

Небо, наконецъ, умилилось надъ несчастной. Пришелъ день, исполненный тревожныхъ ожиданій, надежды, страха, изумленія — день, когда бѣдная вдова прижала къ своей груди младенца съ глазами Джорджа, малютку-мальчика; прекраснаго какъ ангелъ Божій. Съ какимъ отраднымъ изумленіемъ она услышала первый крикъ дитяти! Какъ она плакала и смѣялась; и съ какою быстротою въ сердцѣ ея снова пробудились и надежда, и любовь, когда младенецъ приютился у ея материнской груди! Амелія была спасена. Док-

тора, опасавшіеся за ея жизнь и разсудокъ, съ нетерпѣніемъ ждали этого кризиса, чтобъ промзнести свой окончательный приговоръ относительно ея жизни или смерти. Взоры мистриссъ Эмми снова залучезарились искрами разумаго сознанія, и съ благодарностью обратились на окружающихъ особъ. Эта минута служила достойнымъ вознагражденіемъ за ихъ продолжительныя опасенія и тревоги.

Другъ нашъ Доббинъ былъ въ числѣ этихъ особъ. То былъ онъ, что привезъ мистриссъ Эмми въ Англію, въ домъ ея родителей. Мистриссъ Одаудъ, повинувшись настоятельному вызову полковника Одауда, принуждена была оставить свою паціентку. Посмотрѣли бы вы, какъ Доббинъ нянчилъ ребенка, и какъ въ то же время смѣялась мистриссъ Эмми, упоенная материнскимъ восторгомъ! Это была умилительная картина. Удостоенный счастья быть крестнымъ отцомъ, Вильямъ напрягалъ всѣ силы своего природнаго остроумія при покупкѣ чашекъ, ложечекъ, коралловъ и бубенчиковъ для обожаемаго малютки.

Едва-ли нужно докладывать читателю, какъ нѣжная мать кормила его, лелѣяла, одѣвала, отстраняла отъ него всѣхъ нянекъ и не позволяла постороннимъ рукамъ прикасаться къ его нѣжному тѣльцу. Это ужъ само собою разумѣется. Величайшая милость, какой удостоивался майоръ Доббинъ, состояла въ томъ, что ему позволяли повременамъ нянчить на своихъ рукахъ маленькаго Джорджа. Ребенокъ былъ для мистриссъ Эмми ея бытіемъ, физическимъ и нравственными-

мъ. Все ея существованіе олицетворилось и сосредоточилось въ материнскихъ ласкахъ. Слабое и безсознательное созданіе было окружено ея любовью, близкою къ безпредѣльному благоговѣнію. То была въ полномъ смыслѣ жизнь, физическая и нравственная, что младенецъ всасывалъ въ себя изъ материнской груди. По ночамъ и наединѣ въ своей комнатѣ, Амелія наслаждалась тѣми неизъяснимыми восторгами любви, которые могутъ быть понятны только женскому сердцу. Это чувство — инстинктъ любящей матери и нѣтъ въ немъ даже тѣни эгоизма. Вилльямъ Доббинъ любилъ на досугъ вдумываться въ эти движенія мистриссъ Эмми и, должно отдать ему справедливость, отгадывалъ чутьемъ почти всѣ оттѣнки чувствованій, волновавшихъ ея сердце, но увы! онъ видѣлъ также съ удовлетворительною ясностью, что для него самого не было въ этомъ сердцѣ никакого уголка. Но зная это, майоръ Доббинъ не ропталъ, и съ покорностію переносилъ свою судьбу.

Думать надобно, чтю мать и отецъ мистриссъ Эмми признавали въ нѣкоторой степени намѣренія майора, и чуть-ли не готовы были поощрять ихъ съ своей стороны. Доббинъ ходилъ къ нимъ каждый день, и сидѣлъ по цѣлымъ часамъ то съ Амеліей, то съ хозяиномъ дома, мистеромъ Клеппомъ, и его семьей. Всѣмъ безъ исключенія, каждому и каждой, онъ приносилъ почти каждый день подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, какіе-нибудь подарки, и хозяйская маленькая дочка, амеліина фаворитка, называла его не иначе, какъ сахарнымъ

майоромъ. Эта дѣвочка разыгрывала обыкновенно роль церемоніймейстерши, докладывая мистриссъ Осборнъ о прибытіи майора. Однажды она расхохоталась, когда сахарный майоръ прикатилъ въ Фольгемъ, и вытащилъ изъ своего кабриолета деревянную лошадку, барабанъ, трубу и другія воинственныя игрушки, еще слишкомъ неудобныя для маленькаго Джорджа, потому-что ему было въ ту пору не больше шести мѣсяцовъ отъ роду. Ребенокъ спалъ.

— Тсс! шепнула Амелія, обезпокоенная, вѣроятно, скрипомъ тяжелыхъ сапоговъ майора.

И она съ улыбкой протянула ему руку, которой, однакожь, Вильямъ не могъ взять, пока не разставилъ по различнымъ мѣстамъ разнообразныя принадлежности своего груза.

— Ступай внизъ, Мери, сказалъ майоръ маленькой дѣвочкѣ, — мнѣ надобно поговорить съ мистриссъ Осборнъ.

Амелія съ удивленіемъ взглянула на Вильяма, и осторожно положила спящаго младенца на постельку.

— Я пришелъ проститься съ вами, Амелія, сказалъ майоръ, слегка прикоснувшись къ ея рукѣ.

— Проститься, Вильямъ? Да.

— Куда жъ вы ѣдете? спросила она улыбаясь.

— Можете пересылать ко мнѣ письма черезъ моихъ лондонскихъ агентовъ, отвѣчалъ майоръ Доббинъ, — имъ будетъ извѣстенъ мой адресъ. Вѣдь вы будете писать ко мнѣ, Амелія, не правда ли?

— Какъ же, какъ же! Я стану писать къ вамъ о Джорджинь-

кѣ, сказала мистриссъ Эмми. А на долго вы уѣзжаете?

— Надолго, Амелія, и еще неизвѣстно, увидимся ли мы.

— Скажите, какъ это жаль! Вы были такъ добры къ нему и ко мнѣ, милый Вилльямъ. Посмотрите, какой онъ ангель!

Красныя ручонки малютки Джорджа безсознательно обвились вокругъ пальца честнаго Вилльяма, и Амелія посмотрѣла на его личико съ лучезарнымъ материнскимъ восторгомъ. Самые жестокіе взгляды непримиримой ненависти и злобы не могли сразить майора сильнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ этотъ взоръ безнадежной ласки. Онъ склонился надъ матерью и младенцемъ, и съ минуту не могъ произнести ни слова. Собравъ наконецъ всѣ свои силы, онъ проговорилъ:

— Благослови васъ Богъ, Амелія!

— Благослови васъ Богъ, Вилльямъ! сказала мистриссъ Эмми.

Затѣмъ она приподняла свою голову, и поцаловала его.

— Ахъ, тише, пожалуйста! Не разбудите Джорджиньку, прибавила она, когда Вилльямъ Доббинъ заскрипѣлъ своими неугомонными сапогами при выходѣ изъ дверей.

Амелія не видѣла и не слышала, какъ майорскій кабріолетъ отъѣхалъ отъ воротъ: она смотрѣла на своего Джорджиньку, который въ эту минуту улыбался ей во снѣ.

Глава XXXV

Нуль годового дохода и десятки тысячъ расхода

Я думаю, милостивые государи, что всѣ мы, больше или меньше, любимъ повременамъ размышлять о мірскихъ дѣяніяхъ своихъ ближнихъ, и едва-ли найдется какой-нибудь философъ на базарѣ житейской суеты, который бы, примѣромъ сказать, не интересовался знать, какъ живетъ-поживаетъ сосѣдь его Джонсъ, или какимъ образомъ пріятель его Смитъ ухищряется сводить концы съ концами по истеченіи каждаго года аккуратно. Я съ своей стороны питаю глубочайшее уваженіе къ пріятелямъ своимъ, Джинкинсамъ, потому-что обѣдаю у нихъ два или три раза въ мѣсяцъ, но признаюсь чистосердечно, я не перестану удивляться до конца своей жизни, какимъ-образомъ Джинкинсы выѣзжаютъ въ Лондонскій Паркъ, чуть-ли не каждое гулянье, въ великолѣпной коляскѣ съ гайдуками на запяткахъ. Правда, я знаю, что экипажъ этотъ берется напрокатъ, и всѣ джинкинсовы люди продовольствуются только жизненными припасами, не получая денежнаго вознагражденія за свои труды, но все же эти три человекъ и великолѣпная коляска должны представлять собою ежегодный расходъ по крайней мѣрѣ шестисотъ фунтовъ стерлинговъ британской монеты. Притомъ, извѣст-

но мнѣ въ достовѣрной степени, что семейство Джинкинсовъ даетъ весьма часто блестящіе обѣды, содержитъ двухъ мальчиковъ въ Итонскомъ Коллегіумѣ, нанимаетъ для двѣицъ привилегированныхъ гувернантокъ и учителей, предпринимаетъ заграничныя поѣздки, проживаетъ осенью въ Истбурнѣ или Вортингѣ и, вдовѣреніе эффекта, даетъ ежегодно блистательный балъ съ роскошнымъ ужиномъ отъ Гунтера... Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что кондитеръ Гунтеръ приготовляетъ для Джинкиисовъ самые *изящныя первостатейныя* обѣды, какъ это я очень хорошо знаю, потому-что однажды, за неимѣніемъ наличнаго гостя, я самъ приглашенъ былъ принять участіе въ одномъ изъ этихъ парадныхъ обѣдовъ, и здѣсь открылось для меня, что эти угощенія, изящныя въ совершеннѣйшемъ смыслѣ, не имѣютъ ничего общаго съ обыденной трапезой, къ которой обыкновенно допускается низшій сортъ джентльменовъ и леди, имѣющихъ счастье пользоваться знакомствомъ съ этимъ благороднымъ семействомъ... Кто же, спрашивается, послѣ всѣхъ этихъ вещей, не вправѣ выразить своего изумленія относительно того, какимъ-образомъ Джинкинсы обдѣлываютъ свои дѣла?

— Да кто такой Джинкинсъ, позвольте васъ спросить?

— Фи! какъ вы этого не знаете? Онъ служитъ комиссіонеромъ въ сургучной конторѣ.

— Неужели?

— Увѣряю васъ, и получаетъ всего только тысячу двѣсти фунтовъ въ годъ.

— Это удивительно; но вѣроятно мистеръ Джинкинсъ женился на богатой, и у супруги его есть особое имѣніе.

— Помилуйте! мистриссъ Флинтъ — дочь бѣднаго помѣщика и у него одиннадцать человѣкъ дѣтей. Всѣ доходы мистриссъ Флинтъ ограничиваются одной только откормленной пулярдкой, которую присылаютъ ей на святки, и за эту пулярдку она обязана содержать въ домѣ своего мужа двухъ или трехъ своихъ сестеръ, и давать квартиру со столомъ всѣмъ своимъ братьямъ, когда пріѣзжаютъ они въ городъ.

— Скажите, пожалуйста! Какъ же этотъ Джинкинсъ сводить балансы своихъ доходовъ?

— Не знаю.

— Какъ же это случилось, что его до сихъ поръ не посадили въ тюрьму? Не лишили его правъ состоянія?

— Не знаю, не знаю и не знаю.

Само-собою разумѣется, что этому Джинкинсу суждено здѣсь представлять собою собирательное лицо и вѣроятно каждый изъ читателей находитъ его образъ и подобіе въ комъ-нибудь изъ своихъ или чужихъ знакомыхъ. Всѣ мы не прочь, вѣроятно, выпить рюмку вина у своего сосѣда, но это отнюдь не мѣшаетъ намъ допытываться, какими судьбами онъ добылъ это превосходное вино.

Когда, года три или четыре спустя по возвращеніи изъ Парижа, Родонъ Кроли и его супруга обзавелись хозяйствомъ на широкую ногу въ уютномъ домикѣ Курцонской улицы, что на Майской Ярмаркѣ (Mayfair), многочисленные прія-

тели, угощаемые за ихъ столомъ роскошными обѣдами, едва-ли не всѣ до одного предлагали себѣ на досугѣ какой-нибудь изъ вышепомянутыхъ вопросовъ. Какъ романистъ и писатель историческій, я знаю все, что происходитъ на свѣтѣ, и слѣдовательно, я въ состояніи извѣстить почтеннѣйшую публику, какимъ-образомъ Родонъ и его прекрасная супруга могли жить припѣваячи, имѣя ровно круглый нуль годового дохода. Только здѣсь да позволено мнѣ будетъ сдѣлать воззваніе къ издателямъ газетъ, имѣющимъ похвальную привычку дѣлать каждомѣсячно нѣкоторыя заимствованія изъ разныхъ періодическихъ изданій: я прошу васъ, господа, не перепечатывать на своихъ столбцахъ слѣдующихъ достовѣрныхъ вычисленій и фактовъ, собранныхъ мною на рынкѣ житейскихъ тревоженій послѣ многихъ хлопотъ, соединенныхъ, разумѣется, съ весьма значительными издержками изъ моего собственнаго кармана.

— Сынъ мой, сказалъ бы я, если бъ у меня былъ сынъ, — ты можешь, если захочешь, посредствомъ глубокихъ изслѣдованій и соображеній, допытаться какимъ-образомъ человѣкъ на семь свѣтѣ можетъ жить комфортѣльно безъ гроша въ карманѣ. Только я совѣтую тебѣ не вступать, ни подъ какимъ видомъ, въ короткія сношенія съ джентльменами этой профессіи. Дѣлай свой вычисленія издали, теоретически, точь-въ-точь какъ ты рѣшаешь математическую задачу посредствомъ логариѶмовъ, въ противномъ случаѣ, повѣрь мнѣ, работа на самомъ мѣстѣ наблюденій обойдется тебѣ слишкомъ

дорого, и впоследствии ты самъ увидишь, что игра не стоила свѣчей.

Имѣя такимъ-образомъ нуль годового дохода, Родонъ Кроли и его жена, въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ, о которыхъ, впрочемъ, мы не намѣрены представлять подробнаго отчета, жили весьма счастливо и съ большимъ комфортомъ въ геродѣ Парижѣ. Въ этотъ періодъ времени, Родонъ взялъ отставку и вышелъ изъ службы. О томъ, что онъ полковникъ, мы знаемъ теперь только потому, что на визитной его карточкѣ явственно обозначенъ этотъ чинъ,

Было уже сказано, что Реббека, вскорѣ по прибытіи въ Парижъ, заняла блестящее положеніе въ обществахъ этой столицы, и ее радушно принимали во многихъ знатныхъ домахъ. Британскіе львы того времени, проживавшіе въ Парижѣ, наперерывъ ухаживали за прекрасной Англичанкой, къ великой досадѣ и отчаянію своихъ женъ, которыя продолжали смотрѣть съ гордымъ презрѣніемъ на эту заносчивую выскочку, лишенную всякихъ правъ на принадлежность къ ихъ джентльменскому кругу. Въ продолженіе многихъ мѣсяцовъ, салоны Сен-Жерменскаго предмѣстья, гдѣ мѣсто Ребекки было, такъ-сказать, завоевано ея талантами, и гдѣ ее принимали съ явнымъ предпочтеніемъ передъ другими иностранками, постоянно кружили голову мистриссъ Кроли, и отумабили ее до такой степени; что она уже начинала смотрѣть свысока на скромную молодежь, составлявшую обыкновенное общество ея супруга.

Но самъ мистерь Кроли зѣваль немилосердно въ обществѣ французскихъ аристократовъ. Старухи, игравшія съ нимъ въ экарте, шумѣли изъ-за пяти франковъ до того, что не стоило даже терять времени за карточнымъ столомъ. Онѣ говорили безъ умолку, и можетъ быть остроуміе сверкало въ каждомъ ихъ словѣ, но что въ этомъ толку, какъ-скоро не понимаешь французскаго языка?

— Да и ты, Ребекка, право, я не понимаю, говоориль Родонъ, — что тебѣ за охота вертѣться безпрестанно въ этомъ кругу?

Но мистриссъ Кроли имѣла свои собственные расчеты, несогласные съ видами ея супруга. Скоро она стала выѣзжать одна въ эти блестящіе салоны, между-тѣмъ какъ Родонъ спокойно предался обычнымъ занятіямъ и увеселеніямъ среди короткихъ друзей своего собственнаго круга.

Приступая теперь къ главному сюжету этой главы, мы должны напередъ сдѣлать маленькую оговорку. Говоря, что такой-то джентльмень живетъ превосходно, безъ гроша въ карманѣ, мы хотимъ собственно сказать, что намъ неизвѣстны средства, употребляемыя этимъ джентльменомъ для покрытія своихъ издержекъ. Слово «нуль» принимается здѣсь въ смыслѣ неизвѣстнаго числа.

Да будетъ теперь извѣстно, что пріятель нашъ Родонъ владелъ превосходнѣйшими способностями ко всѣмъ возможнымъ играмъ, такъ-что, въ нѣкоторомъ родѣ, онъ былъ игрокъ по призванію, ex-professo. Цвѣтушія лѣта первой юности,

когда быстро начинают развиваться всѣ интеллектуальныя силы, онъ посвятилъ исключительно картамъ, бильярду и косямъ. Продолжая эти задушевные занятія съ неутомимымъ терпѣніемъ и настойчивостью, онъ достигъ въ нихъ, съ теченіемъ времени, совершеннѣйшаго искусства, неизвѣстнаго всѣмъ этимъ профанамъ, которые имѣютъ глупость играть для такъ называемаго препровожденія времени. Управлять кіемъ на бильярдѣ, по-моему, то же самое, что владѣть перомъ, кистью, смычкомъ, флейтой ил рапирой; сначала вы, при всей остротѣ соображенія, рѣшительно ничего не сдѣлаете со всѣми этими орудіямъ, но чѣмъ больше станете упражняться, тѣмъ больше пріобрѣтете навыка въ ихъ употребленіи, и наконецъ, если только вы человѣкъ съ талантомъ, наступитъ пора, когда вы сдѣлаетесь истиннымъ художникомъ на поприщѣ избраннаго вами искусства. Мистеръ Кроли, сначала только дилеттантъ жолтыхъ и красныхъ шаровъ, превратился мало-по-малу въ превосходнѣйшаго маэстро бильярднаго искусства. Встрѣчая соперника на этомъ поприщѣ, онъ употреблялъ методу, достойную замѣчанія. При началѣ партіи, мистеръ Кроли бывалъ вообще довольно слабъ и дѣлалъ безпрестанные промахи даже, въ такихъ случаяхъ, гдѣ, по ходу игры, успѣхъ повидимому казался на его сторонѣ; по мало-по-малу его глазъ и рука пріобрѣтали удивительную меткость и ловкость; геній его, какъ у великаго полководца, возвышался по мѣрѣ трудности борьбы; неожиданные и великолѣпные удары упрочивали рѣшительную по-

бѣду, и всеобщее удивленіе, сопровождаемое нѣсколькими тысячами франковъ, служило обыкновенною наградой за смѣлый подвигъ. Само-собою разумѣется, что тѣ, которые разъ были свидѣтелями подобныхъ состязаній, не рѣшались подвергать опасности свой кошелекъ противъ игрока, слабого и робкаго въ началѣ, но неустрашаемаго и твердаго въ концѣ игры.

Въ картахъ, за зеленымъ столомъ, мистеръ Кроли придерживался такой же, точно системы. При началѣ вечера ему обыкновенно не везло, и онъ проигрывался въпухъ, бросая карты съ такою безпечностью и нерадѣніемъ, что вновь приходившіе партнеры составляли весьма низкое понятіе о его талантѣ, но въ послѣдствіи, когда игра начинала принимать запальчивый характеръ, замѣчали вообще, что Родонъ Кроли совершенно измѣнялъ свою тактику, и обнаруживалъ такіа глубокомысленныя соображенія, что партнеръ его подвергался опасности потерять въ одинъ вечеръ весь свой кошелекъ. Вообще, въ этомъ искусствѣ Родонъ не находилъ себѣ достойнаго соперника, способнаго, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, одержать надъ нимъ побѣду.

Длинный рядъ блистательныхъ успѣховъ мистера Родона долженъ былъ, по естественному ходу вещей, возбудить зависть въ нѣкоторыхъ сердцахъ, и побѣжденные соперники дѣлали о немъ довольно оскорбительные отзывы. И какъ Французы говаривали въ свое время о герцогѣ Веллингтонѣ, что одинъ только изумительный рядъ счастливыхъ случай-

ностей дѣлалъ изъ него неизмѣнно-счастливаго побѣдителя, такъ и теперь оказывалась необходимость въ предположеніи, что мистеръ Родонъ постоянно окруженъ былъ ротозеями и глупцами.

Хотя Frascati и Salon были въ ту пору для всѣхъ и каждого открыты въ веселомъ Парижѣ, однакожь бѣшенная страсть къ игрѣ распространилась до такой степени, что публичные притоны не вмѣщали больше зазорныхъ игроковъ, и многія частныя семейства вынуждены были уставить свои комнаты ломберными столами. Вечернія собранія у Кроли были очаровательны во всѣхъ отношеніяхъ, но эта роковая забава обуяла рѣшительно всѣхъ гостей, къ великому огорченію милой и доброй мистриссъ Кроли. Кромѣ картъ, здѣсь съ одинаковымъ усердіемъ играли и въ кости. Ребекка говорила о пагубной страсти своего мужа съ глубочайшей тоской, и жаловалась на него всѣмъ джентльменамъ, приходившимъ въ ея домъ. Она упрашивала молодыхъ людей не дотрогиваться ни до картъ, ни до костей, и когда молодой Гринъ проигралъ весьма значительную сумму, Ребекка провела всю ночь въ слезахъ, и на колѣняхъ умоляла своего мужа простить неопытному юношѣ этотъ долгъ, и бросить въ огонь его росписку. Такъ по крайней мѣрѣ рассказала объ этомъ несчастному молодому джентльмену горничная мистриссъ Кроли. Но дѣло извѣстное, что Родонъ никакъ не могъ согласиться на просьбу своей жены. Онъ самъ недавно проигралъ такую же сумму гусару Блаккстону и некоему Пунтеру, ганновер-

скому кавалеристу. Грину, пожалуй, еще можно дать отсрочку недѣли на двѣ или на три, потому-что онъ добрый малый; но сжечь росписку — *fi donec!* — кости не дѣтская забава, и Гринъ, какъ честный джентльменъ, обязанъ заплатить.

Всѣ другіе молодые люди, по большей части прапорщики и подноручики, окружавшіе прелестную мистриссъ Кроли, возвращались съ ея вечеровъ съ вытянутыми лицами и пустыми карманами, проигрывая все, до послѣдняго франка, мистеру Родону. Вскорѣ начала распространяться дурная репутація о домѣ достопочтенныхъ супруговъ. Возмужалые и уже искусившіеся джентльмены предостерегали юношей, лишенныхъ необходимой опытности. Такъ, нѣкто Михаилъ Одаудъ, полковникъ Трильйоннаго полка, успѣлъ предостеречь во-время и кстати поручика Спуни, состоявшаго подъ его командой. Однажды по этому поводу произошелъ даже сильный и загаристый споръ между полковникомъ Одаудомъ и его супругой съ одной стороны, и между Родономъ Кроли и его женою съ другой. Это, собственно говоря, случилось въ *Café de Paris*, за общимъ столомъ, гдѣ сидѣли обѣ эти почтенныя фамиліи. Сперва, какъ и водится, сцѣпились между собою прекрасныя леди. Мистриссъ Одаудъ щеликнула своими пальцами прямо въ лицо мистриссъ Кроли, и объявила во всеуслышаніе, что вупругъ ея — шулеръ. Дѣло, какъ и слѣдовало ожидать, получило весьма серьезный оборотъ. Родонъ Кроли сдѣлалъ формальный вызовъ Михаилу Одауду. Услышавъ объ этой ссорѣ, дивизіонный генераль немедлен-

но послалъ за господиномъ Кроли, уже приготавливавшимъ свои ппistolеты, извѣданные на поприщѣ дуэлей. Онъ собщишь нашему герою отеческое наставленіе, вслѣдствіе котораго дуэль не состоялась. Говорили даже, будто Родона хотѣли, по этому поводу, отправить назадъ въ Англію, но Ребекка бросилась на колѣни передъ милордомъ Тюфто, и уладила все дѣло. Послѣ этого происшествія, мистеръ Кроли нѣсколько недѣль игралъ только съ одними мирными гражданами французской столицы.

Но не смотря на постоянные и несомнѣнные успѣхи мистера Родона, Ребекка поняла и рассчитала весьма основательно, что при такихъ скандалѣзныхъ случайностяхъ положеніе ихъ было, что называется, *une position précaire*, и хотя они не имѣли простодушнаго обыкновенія платить кому бы то ни было и за что бы то ни было, однакожь капиталу ихъ грозила со временемъ неминуемая опасность превратиться въ дѣйствительный нуль.

— Игра — хорошее средство, нечего сказать, говорила Ребекка, но она можетъ имѣть свою цѣнность только при другихъ, болѣе правильныхъ доходахъ. Это не больше какъ вспомогательный источникъ правильнаго дохода, но еще отнюдь не самый доходъ. Олухи найдутся не всегда, и скоро вѣроятно наступитъ время, когда вся эта молодежь наскучитъ нашимъ обществомъ. Что мы тогда станемъ дѣлать?

Это замѣчаніе показалось весьма основательнымъ Родону Кроли. Въ самомъ дѣлѣ, онъ уже подмѣтилъ два или три ра-

за, что нѣкоторые джентльмены очевидно скучали на его вечерахъ, несмотря на всѣ прелести и любезность мистриссъ Кроли. Были и такіе, которые совсѣмъ отстали отъ ихъ дома.

Весело и пріятно было жить въ Парижѣ, но все же эта жизнь имѣла, въ нѣкоторомъ смыслѣ, цыганскій характеръ, и Ребекка имѣла настоящую необходимость поискать для своего супруга счастья на родимой сторонѣ. Быть-можетъ, она выхлопочетъ для него тепленькое мѣстечко въ Трехъ Соединенныхъ Королевствахъ, или въ колоніяхъ по ту сторону океана; въ томъ и другомъ случаѣ, жизнь ихъ утвердится на прочномъ основаніи, и они будутъ имѣть правильную цѣль впереди. Ребекка окончательно рѣшилась сдѣлать нашествіе на Англію, какъ-скоро очистится для нея удобный путь. Дѣйствуя подъ вліяніемъ этой мысли, она заставила Родона выйти изъ гвардіи въ отставку съ пенсіономъ половиннаго жалованья. Его адъютантская должность при генералѣ Тюфто прекратилась еще прежде. Ребекка смѣялась во всѣхъ обществахъ надъ страннымъ парикомъ милорда, его корсетомъ, фальшивыми зубами, и особенно надъ его забавными притязаніями на сердца прекраснаго пола. Вездѣ, гдѣ слѣдуетъ, возвѣстила мистриссъ Бекки, что милордъ воображаетъ въ простотѣ сердечной, будто каждая женщина непременно и неизбѣжно влюбляется въ него съ перваго взгляда. Всѣ эти насмѣшки произвели свой эффектъ. Обѣды милорда Тюфто, его букеты и драгоценныя бездѣлки изъ ювелирскихъ магазиновъ обратились теперь на нѣкую мистриссъ Брентъ, сѣро-

глазую супругу комиссара Брента, за которую ухаживалъ онъ и въ театрѣ, и на публичныхъ гуляньяхъ. Бѣдная мистриссъ Тюфто не выиграла ровно ничего отъ своего присутствія въ Парижѣ и проводила длинные вечера съ своими дочерьми, зная, что супругъ ея, перетянутый, раздушенный и завитой отправился во французскую оперу, гдѣ сидитъ онъ въ одной ложѣ съ мистриссъ Брентъ. Дюжины новыхъ обожателей явились къ мистриссъ Бекки, и она могла бы разбить въ прахъ свою невзрачную соперницу, но ей, какъ мы уже сказали, надоѣла цыганская жизнь въ чужеземной столицѣ. Театральныя ложи и обѣды въ ресторанахъ потеряли для нея прелесть новизны: букеты нельзя было уберечь на будущія времена, и не было возможности продолжать свое существованіе насчетъ кружевныхъ платочковъ, лайковыхъ перчатокъ и разнокалиберныхъ ювелирскихъ бездѣлокъ. Ребекка живо почувствовала суету и ничтожность мірскихъ удовольствій, и мысли ея обратились на существенныя блага.

Въ это время весьма кстати распространилась молва, доставившая великое утѣшеніе Парижскимъ кредиторамъ полковника Родона Кроли. Миссъ Кроли, богатая и знатная тетка, отъ которой полковникъ ожидалъ огромнаго наслѣдства, лежала на смертномъ одрѣ: Родонъ долженъ былъ поспѣшить къ ней въ Лондонъ. Мистриссъ Кроли и дитя ея останутся въ Парижѣ до возвращенія изъ Англіи супруга и отца.

Родонъ отправился въ Кале, куда и прибылъ благополучно. Теперь не оставалось, повидимому, ни малѣйшаго со-

мнѣнія, что онъ поплыветъ въ Дувръ; но, сверхъ всякаго ожиданія, мистеръ Кроли взялъ мѣсто въ дилижансѣ для отъѣзда въ Дюнкирхенъ, и оттуда направилъ свой путь въ Брюссель, имѣя особенную привязанность къ этому мѣстечку. Дѣло въ томъ, что въ Лондонѣ у него было еще больше кредиторовъ, чѣмъ въ Парижѣ, и мистеръ Кроли предпочиталъ спокойный бельгійскій городокъ шумнымъ европейскимъ столицамъ.

Наконецъ, миссъ Матильда Кроли умерла. Ребекка заказала по своей теткѣ самый модный и пышный трауръ для себя и малютки Родона. Полковникъ дѣятельно занимался устройствомъ фамильныхъ дѣлъ по наслѣдству. Теперь супруги могутъ взять бельэтажъ въ гостинницѣ, вмѣсто прежнихъ весьма неудобныхъ комнатъ въ четвертомъ этажѣ. Мистриссъ Кроли и содержатель отеля долго совѣщались между собой относительно занавѣсовъ, гардинъ, долго спорили и немножко даже побрались изъ-за ковровъ, какіе должно будетъ употребить для гостиной и будуара, и наконецъ устроили все какъ нельзя лучше и переговоры обо всемъ, исключая того, что могло имѣть какое-нибудь отношеніе къ денежному счету.

Покончивъ такимъ-образомъ эти хозяйственные хлопоты, мистриссъ Бекки уѣхала изъ Парижа въ богатѣйшей коляскѣ, взятой въ долгъ у содержателя гостинницы, и вмѣстѣ съ ней отправилась французская *bonne*. Дитя пріютилось подлѣ матери. Добрѣйшій содержатель отеля и его супруга про-

водили прекрасную путешественницу за ворота, и съ улыбкой проговорили ей прости (первое и — увь! — послѣднее). Милордъ Тюфто рѣшительно разсвирѣпѣлъ, когда услышалъ объ отѣздѣ Бекки, за что и получилъ страшный выговоръ отъ мистриссъ Брентъ, нелюбившей смотрѣть на проявленіе свирѣпыхъ чувствъ милорда Тюфто. Поручикъ Спуні сокрушился сердечно и душевно; содержатель гостинницы принялся немедленно меблировать и украшать свои лучшіе апартаменты, чтобъ все было готово къ возвращенію очаровательной Англичанки и ея супруга. Онъ тщательно увязалъ и запечаталъ сундуки, оставленные ему на сохраненіе. Madame Кроли особенно рекомендовала ихъ попечительному вниманію довѣрчиваго Француза, хотя впослѣдствіи, когда ихъ вскрыли, оказалось, что въ этихъ сундукахъ были такой скарѣдный хламъ, что даже совѣстно и рассказывать, что это за хламъ.

Но, прежде соединенія съ своимъ супругомъ въ бельгійской столицѣ, мистриссъ Кроли нанравила свой путь въ Англію, оставивъ за собой малютку сына на европейскомъ континентѣ, подъ надзоромъ французской няньки.

Никакъ нельзя сказать, чтобъ прощаніе Ребекки съ маленькимъ Родономъ произвело слишкомъ болѣзненное впечатлѣніе на ея материнское сердце. Съ тѣхъ поръ какъ родился юный джентльмень, она видѣла его очень рѣдко. Слѣдуя похвальному обычаю французскихъ матерей, Ребекка отдала своего ребенка на воспитаніе въ деревеньку подъ Париже-

мъ, гдѣ юный Родонъ провелъ комфортабельно первые мѣсяцы своей жизни въ многочисленномъ обществѣ молочныхъ братьевъ, щеголявшихъ въ башмакахъ на деревянныхъ подошвахъ. Здѣсь повременамъ, и довольно часто, навѣщаль его отецъ, причемъ родительское сердце старшаго Родона пылало истиннымъ восторгомъ, когда онъ видѣлъ, какъ розовый, чумазый и крикливый шалунъ его дѣлалъ изъ глины пирожки, подъ надзоромъ садовницы, его няньки.

Но мистриссъ Кроли не считала нужнымъ баловать своего сына частыми визитами. Однажды, онъ испачкалъ у нея новенькую мантилью небесно-голубого цвѣта, и съ той поры Ребекка уже никогда почти не навѣщала юнаго Родона. Сынъ въ свою очередь рѣшительно предпочиталъ нѣжности своей няньки ласкамъ хорошенькой *мама*, и когда ему нужно было окончательно оставить эту веселую нянюшку, онъ раскричался немилосердо на нѣсколько часовъ. Его утѣшили только обѣщаніемъ, что на другой день онъ опять увидитъ свою няньку. То же самое сказали и нянькѣ, искренно полюбившей своего питомца, и честная женщина съ безпокойствомъ дожидалась его возвращенія нѣсколько дней сряду.

Пріятели наши, не во гнѣвъ будь имъ сказано, занимали одно изъ первыхъ мѣстъ между многочисленными пройдохами, наводнившими впослѣдствіи европейскій континентъ, и производившими обманы всякаго рода во всѣхъ столицахъ Европы. Въ счастливые дни 1817–1818 года, уваженіе къ богатству и честности Англичамъ было неизмѣримо. Въ ту

пору, какъ мнѣ говорили, они еще не научились торговаться изъ-за всякой бездѣлицы съ тѣмъ отчаяннымъ упорствомъ, которое нынче составляетъ въ чужихъ краяхъ отличительную принадлежность характера всякаго Британца. Великіе города Европы тогда еще не были открыты предприимчивости англійскихъ бездѣльниковъ, рассчитывающихъ на чужіе карманы, и вамъ стоило только путешествовать въ собственномъ экипажѣ и назваться англійскимъ милордомъ, чтобъ пользоваться всюду неограниченнымъ кредитомъ. Нынче ужъ не то. Въ рѣдкомъ городѣ Италіи или Франціи вы не встрѣтите нашихъ островитянъ, промышляющихъ на чужой счетъ. Они обманываютъ содержателей гостинницъ, переводятъ фальшивые векселя на легковѣрныхъ банкировъ, надуваютъ безъ стыда и совѣсти каретниковъ, ювелировъ, магазинщиковъ, обыгрываютъ въ карты простодушныхъ путешественниковъ и даже похищаютъ книги изъ публичныхъ библиотекъ. Всего этого еще не было лѣтъ за сорокъ, и первые искатели приключеній въ этомъ родѣ находили для себя привольное раздолье на европейской почвѣ.

Прошло нѣсколько недѣль послѣ отъѣзда фамиліи Кроли, прежде чѣмъ содержатель гостинницы, гдѣ Родонъ и его супруга имѣли резиденцію въ продолженіе своего пребыванія въ Парижѣ, сдѣлалъ весьма непріятное открытіе, что ему придется понести изъ-за нихъ весьма значительныя потери. Къ этому открытію былъ онъ приведенъ разнообразными и совсѣмъ неожиданными явленіями послѣ ихъ отъ-

ѣзда. Madame Marabou, содержательница моднаго магазина, приходила разъ двадцать съ своимъ маленькимъ счетомъ, приготовленнымъ для мадамъ Кроли. Monsieur Didelot изъ Boule d'or въ Палеройялѣ заходилъ около дюжины разъ понавѣдаться, воротилась ли въ свою резиденцію эта charmante Miladi, которая скупилъ въ его магазинѣ значительную коллекцію часовъ и браслетъ. Даже бѣдной женѣ садовника, няньчившей юнаго Родона, никогда не было заплачено ни за ея молоко, ни за ея материнскія ласки... такъ точно: не было заплачено; при этихъ дорожныхъ сборахъ, Кроли совсѣмъ забыли о такой бездѣлицѣ... Что жъ касается до содержателя отеля, онъ не уставалъ потомъ во всю свою жизнь изрыгать проклятiя на англійскую націю, и тщательно освѣдомлялся у всѣхъ путешественниковъ, не знаютъ ли они нѣкоего лорда Кроли и его жену, une petite dame, tris spirituelle.

— Ахъ! Monsieur! прибавлялъ онъ шопотомъ, ils m'ont affreusement volé!

И потомъ онъ пускался въ самые длинные рассказы, приводившіе въ трогательное умиленіе благосклоннаго слушателя.

Ребекка отправилась въ Лондонъ собственнo затѣмъ, чтобы усовѣстить и образумить многочисленныхъ кредиторовъ своего супруга, предложивъ имъ дивидендъ шести пенсовъ или одного шиллинга за фунтъ. Безъ этой предварительной сдѣлки, Родону Кроли было бы неудобно воротиться въ свою отчизну. Не наше дѣло описывать средства, употребленныя ею при этихъ затруднительныхъ переговорахъ. Со-

бравъ всѣхъ кредиторовъ, Ребекка объявила коротко и ясно, что сумма, предлагаемая имъ въ настоящую минуту, составляетъ весь наличный капиталъ ея супруга, и что, вслучаѣ ихъ упрямства, мистеръ Кроли поставленъ будетъ въ неизбѣжную необходимость предпочесть резиденцію въ чужихъ краяхъ своему возвращенію въ родной городъ. Она представила неотразимыя доказательства, что нѣтъ для нихъ физической возможности получить наибольшій дивидендъ, и что мистеръ Кроли, обманутый въ своихъ надеждахъ на полученіе тѣтушкина наслѣдства, пробивается со дня на день, имѣя весьма скудные средства къ существованію. Убѣжденные такими прочными доводами, кредиторы согласились единодушно принять предложеніе мистриссъ Кроли, и она такимъ-образомъ купила за полторы тысячи наличныхъ фунтовъ долговую сумму, превышавшую болѣе чѣмъ въ десять разъ этотъ дивидендъ.

При этихъ переговорахъ, мистриссъ Кроли совсѣмъ не считала нужнымъ прибѣгать къ посредничеству адвокатовъ или нотаріусовъ. Ея дѣло, ясное и простое, говорило само за себя, и она предоставила юристамъ своихъ кредиторовъ выполнить по принадлежности всѣ законныя формы. Мистеръ Левисъ, представлявшій фирму Давидса на скверѣ Краснаго Льва, и господинъ Моссъ, заступавшій мѣсто Манассіи, главнаго кредитора мистера Кроли, дѣлали Ребеккѣ блистательные и самые лестные комплименты, и объявили въ заключеніе, что съ нею не сравняется ни одинъ адвокатъ въ мірѣ.

Выслушавъ эти отзывы съ приличною скромностью, мистриссъ Кроли приказала принести бутылку хереса и сладенькій ппрожокъ въ грязную квартиру, гдѣ жила она въ продолженіе этихъ переговоровъ. Затѣмъ, весело простившись съ своими гостями, она полетѣла опять на европейскій континентъ для соединенія съ своимъ сыномъ и супругомъ, который выслушалъ съ восторгомъ радостную вѣсть о возможности безпрепятственнаго и счастливаго возвращенія въ родимый край. Что касается до юнаго Родона, мы обязаны замѣтить, что новая его нянька, Mademoiselle Genevieve, оставила, въ отсутствіе матери, безъ всякаго вниманія своего питомца. Ей представилась перспектива увидѣться съ давнишнимъ другомъ сердца, и малютка Родонъ, совсѣмъ забытый и оставленный, чуть не погибъ въ пескахъ Кале, откуда, къ счастью, освободили его добрыя и сострадательныя особы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.